

**КАТЯ
КЕКС**

**ИГРА
БЕЗ ПРАВИЛ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЧЕМПИОН
БУДУ БИТЬСЯ ЗА ТЕБЯ

Катя Кекс

Чемпион. Буду биться за тебя

«Автор»

2026

Кекс К.

Чемпион. Буду биться за тебя / К. Кекс — «Автор», 2026

— Ты её хоть знаешь?— Не знаю. Но хочу, — растягиваю довольную улыбку перед своим любимым менеджером. — Ты обещал золотую рыбку, Михалыч. Я заказал. Доставай!Илья «Смерч» Самарин — звезда ММА, который послал к чёрту титульный бой. У него приставка, плечо на грани отказа и условие: он вернётся в клетку, только если она будет его. Наташа — физиотерапевт с золотыми руками, которая понятия не имеет, что стала разменной монетой в сделке на двадцать миллионов.Он думает, что купил её. Она думает, что подписала обычный контракт. Но когда массажный стол становится полем боя, проиграть может каждый.

Содержание

глава 1	5
глава 2	9
глава 3	12
глава 4	17
глава 5	20
глава 6	24
глава 7	27
глава 8	30
глава 9	33
глава 10	35
глава 11	38
глава 12	41
глава 13	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Катя Кекс

Чемпион. Буду биться за тебя

глава 1

Илья

Михалыч орёт уже сорок минут.

Я лежу на диване и жму кнопки геймпада. На экране какие-то уроды с автоматами бегут в атаку. Я их методично отстреливаю. Голова. Голова. Грудь. Перезарядка. Михалыч стоит надо мной и размахивает руками, как ветряная мельница.

— Ты вообще слышишь меня, Илья?!

— Ага.

— Контракт на двадцать миллионов! Полгода тренировок! Три лагеря! Спонсоры вложили рекламный бюджет! Люди полгода пахали, чтобы ты вышел в клетку и сделал свою работу! А ты что?

— Я играю в приставку. — Я убиваю очередного урода. — Не видишь?

Михалыч замолкает. Я слышу, как он дышит — тяжело, с присвистом, как паровоз перед взрывом. Знаю я это дыхание. Пятнадцать лет знаю. Сейчас будет новый заход.

— Ты понимаешь, что бой за титул? Ти-тул. Ты год ждал этого шанса. Ты сам говорил мне: «Михалыч, я хочу пояс». Я устроил. Всё устроил — соперника, площадку, трансляцию. А ты мне что говоришь теперь? «Я не хочу драться»?

— Именно. — Я ставлю игру на паузу и, наконец, смотрю на него. — Обрыгло всё. Просто не хочу. Надоело.

Михалыч смотрит на меня. Галстук сбит набок, пиджак помят, под глазами мешки, как после десяти раундов. Он старый, упрямый, и он реально думает, что я сломаюсь, если он надавит посильнее.

— Ты не можешь просто «не хотеть». У тебя обязательства. Под этот бой подписаны контракты — с лигой, со спонсорами, с транслятором. Там неустойка такая, что ты без трусов останешься.

— Значит, останусь, — откладываю геймпад. — Ты мой менеджер, Михалыч. Вот и выкручивайся.

— Что?!

— Я устал. Мне надоело. Надоело вставать в шесть утра. Надоело жрать курицу и дышать по свистку. Надоело, что меня лупят по роже, а я луплю в ответ, и всем это нравится. Мне — не нравится. Всё!

Я встаю с дивана. Прохожу мимо него на кухню, открываю холодильник, достаю пиво. Открываю. Пью прямо из банки.

Михалыч идёт за мной.

— Ты форму теряешь.

— Плевать.

— Ты уже на три кило тяжелее. Ты вообще в зеркало смотрелся?

— Нет. — Я делаю ещё глоток. — А надо?

Он бьёт кулаком по столу. Дубовая столешница гудит. Стакан подпрыгивает и падает набок — хорошо, пустой. Михалыч орёт:

— Да что тебе ещё нужно?! Давай, скажи! Я же тебе и рыбку золотую со дна моря достану ради этого боя!

Я открываю рот, чтобы ответить, и в этот момент слышу крик.

Женский. Оттуда с соседнего участка. Высокий, на грани срыва.

— Отпустите меня!

Мы оба замираем. Я смотрю на Михалыча. Михалыч смотрит на меня. Тишина, и снова:

— Я сказала, убери руки!

Я ставлю банку на стол. Иду к двери. Михалыч за мной.

— Ты куда?

— Там кто-то орёт.

— Илья, мы недоговорили!

— Договорили, — натягиваю кроссовки на босые ноги. — Ты хотел знать, что мне нужно?

Сейчас узнаешь.

Я выхожу за дверь.

Сосновый воздух бьёт в лицо. Хвоя, солнце, холод. Калитка между участками — старая, на щеколде. Сношу плечом.

Поворот за угол.

Вижу.

Девушка. Молодая, в тёмной спортивной майке. Спина вжата в бетонный забор. Майка разорвана на груди — видно лямку бюстгалтера, ключицу, красные следы от пальцев на плече. В руке — кочерга от камина. Держит перед собой. Руки дрожат. Глаза злые, мокрые, но она не плачет. Она в ярости.

Костян стоит в трёх шагах. Сосед. Футболист. Руки раскинул, лыбится.

— Ну чего ты, дура? Я же по-хорошему. Ты массажистка — я клиент. Какие проблемы?

— Я не оказываю такие услуги, — голос низкий, с металлом.

— Да ладно, все вы так говорите. Денег дам же. Ну хочешь — сверху. Хочешь — контракт на сезон. Чё ты ломаешься?

Он тянет к ней лапу.

Я выхожу из-за угла.

— Костян. А ты не охренел?

Он оборачивается. Ухмылка сползает. Медленно. Он видит меня — лицо, плечи, руки. В глазах просыпается страх. Правильно.

— Смерч... Слушай, это не твоё дело. У нас частный разговор.

— Да? — я подхожу ближе. — А мне показалось — громкий у тебя частный разговор.

Ты мне игру заглушаешь.

Девушка переводит взгляд с него на меня. Кочерга дрожит. Она оценивает. Я чувствую этот взгляд — тяжёлый, цепкий.

— Ты кто ей? — Костян хмурится. — Родственник?

— Я твой сосед.

— Ну и вали, сосед, в свой дом. Девчонка сама разберётся. Правда, красавица?

Она молчит. Смотрит на меня, и я понимаю что хочу, чтобы она поверила.

— Она сказала: убери руки, — делаю шаг. — Ты глухой или совсем берега попутал?

Костян багровеет. Ухмылка исчезает. Проступает грязная, трусливая злоба.

— Слышь, Смерч, это ты попутал? Думаешь, если ты в клетке...

Не договаривает. Я делаю ещё шаг — с тем весом, с той молчаливой гравитацией, которая заставляет людей замирать. Костян дёргается назад.

— Последний раз повторяю. Отошёл на хрен!

Он психует. Замахивается — широко, неуклюже.

Я ухожу с линии. Бью. Один удар, короткий, в челюсть.

Костян падает на спину. Глаза закатываются. Из рта — струйка слюны. Лёгкий нокаут. Я знаю дозировку.

Тишина.

Девушка стоит у забора. Кочерга всё ещё в руке. Я поднимаю открытые ладони.

— Всё. Он спит.

Она медленно опускает своё средство защиты. Смотрит на лежащего Костяна. Потом на меня.

— Спасибо.

И тут же:

— Мне нужно ехать.

Голос твёрдый. Она не рассыпается в благодарностях. Говорит «спасибо» как «отвали». И шагает к калитке.

— Стой. Ты на машине?

— Да.

— Я провожу. Там шлагбаум, охрана. Будут вопросы. Я решу.

Смотрит секунду. Кивает.

Мы идём к воротам. Молча. Я замечаю, что она не оглядывается, не поправляет одежду, не пытается спрятаться. Идёт с прямой спиной, как будто ничего не случилось. Или как будто случилось уже столько раз, что она привыкла.

У шлагбаума стоит старенькая «Тойота» с облезлым лаком. Девушка открывает дверцу, бросает кочергу на обочину. Достает из салона толстовку, натягивает через голову поверх разорванной майки. Движения рваные, точные.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я.

Она медлит. Потом:

— Наташа.

— Илья.

— Я знаю. Видела бои.

Ни кокетства. Ни намёка. Констатация факта. Я для неё — просто мужик, который вовремя оказался рядом.

— Зачем ты к нему поехала?

— Вызов. Он сказал: массаж, срочно, хорошо заплачу. — Она криво усмехается. — Хорошо заплачу. Идиот.

— Идиот, — соглашаюсь я.

Она садится за руль. Заводит мотор — «Тойота» чихает, но заводится. Опускает стекло.

— Спасибо. Я правда благодарна. Если бы не ты...

Не договаривает. Я понимаю.

— Езжай аккуратно.

Она кивает. Машина трогается.

Я смотрю, как «Тойота» ползёт к шлагбауму, машу охране рукой, чтобы пропустили. Створка поднимается. Машина выезжает за ворота и исчезает за поворотом.

Сзади подходит Михалыч. Я слышу его дыхание.

— Это кто?

— Наташа.

— Я понял, что Наташа. Кто она такая?

Я смотрю на дорогу. Там уже никого. Только пыль оседает на асфальт.

Я поворачиваюсь к Михалычу.

— Ты спрашивал, что мне нужно?

Михалыч замирает. Он знает этот взгляд. Он видел его перед каждым важным боем.

— Драться буду, если она будет моей.

Тишина. Михалыч моргает.

— Она — кто? Массажистка?

— Вроде да.

— Ты её знаешь?

— Не знаю, но хочу, — растягиваю улыбку перед своим любимым Михалычем. — Ты обещал Золотую Рыбку? Я заказал. Доставай.

Михалыч смотрит на меня как на сумасшедшего. Потом что-то в его глазах меняется. Расчёт. Азарт. Он уже прикидывает, как это проверить.

— Ладно. Ладно. Стой здесь.

Он срывается с места — туда, где стоит его «Гелендваген». Я даже не успеваю ответить.

— Ты куда?

— За твоей Наташей! Пока она в город не въехала!

«Гелендваген» взрывает и улетает за ворота.

Я остаюсь стоять посреди дороги. Солнце садится. На соседнем участке стонет Костян.

Я улыбаюсь.

Впервые за полгода.

глава 2

Михалыч

Я останавливаюсь у шлагбаума и даже не глушу мотор.

Охранник в будке узнаёт «Гелендваген», вытягивается по струнке. Я опускаю стекло.

— Девушка на старой «Тойоте». Только что выехала. Куда повернула?

— Направо, Виктор Михалыч. В сторону трассы.

— Спасибо, Серёж.

Шлагбаум ползёт вверх. Я жму на газ. Резина визжит по асфальту. Плевать. У меня в голове крутится только одно: «Драться буду, если она будет моей».

Двадцать четыре боя. Девятнадцать побед. Три пояса. Пятнадцать лет я веду этого парня. Я видел, как он вырубал соперников на десятой секунде. Я видел, как он вставал после нокаута с разбитым носом и забирал бой. Я видел, как он плакал после первого чемпионского пояса — один раз, в раздевалке, когда думал, что никто не видит. И я ни разу — ни разу! — не слышал, чтобы Самарин ставил условие. Он не торгуется. Он либо дерётся, либо нет. А тут: «если она будет моей». Как будто не про бой, а про бабу. Просто взял и переключил всю свою упёртость с клетки на девчонку, которую даже не знает.

Вылетаю на трассу. Впереди никого. Пустая дорога, сосны, закатное солнце. Жму сто двадцать. Сто сорок. Где эта чёртова «Тойота»?

Одной рукой держу руль, второй нащариваю телефон. Набираю Сергеича — менеджера того самого Костяна, который сейчас валяется на лужайке. Круги спортивного менеджмента пересекаются плотно. Сергеич мне должен, я ему в прошлом году трансфер устроил.

— Алло, Сергеич.

— Михалыч? Здорово. Ты чего звонишь в воскресенье?

— Твой клиент, Костян. У него сегодня массажистка была. Кто она? Откуда? Контакты. Быстро.

— А что случилось?

— Потом. Инфа нужна сейчас.

— Я не в курсе, он сам договаривался. Но могу узнать, у меня его ассистент на связи.

— Узнай. Жду.

Сбрасываю. Жму газ. Трасса уходит в ложбину. Впереди мелькает красный огонёк стоп-сигналов. Старенькая «Тойота» тащится в правом ряду. Облезлый задний бампер, мягкое крыло. Она.

Я чуть сбрасываю скорость. Не спугнуть. Если она увидит, что её преследует мужик на «Гелендвагене» после того, что случилось у Костяна, — вдавит педаль в пол или вызовет полицию. И будет права.

Телефон звонит. Сергеич.

— Короче. Девушку зовут Наталья. Частный физиотерапевт, спортивный массажист. Работала в клинике «Восстановление» на юге Москвы. Ушла месяца три назад, сейчас на вольных хлебах. Костяну её порекомендовал кто-то из бывших: то ли тренер, то ли врач команды. Говорят, руки золотые. Серьёзная, но пациентами не церемонится.

— Контакты?

Сергеич диктует номер. Я набираю на ходу. «Тойота» мигает поворотником, съезжает на заправку. Отлично.

Сворачиваю за ней. Паркуюсь через три колонки. Выхожу.

Она стоит у заправочного автомата, вставляет пистолет в бак. Та самая толстовка поверх разорванной кофты. Волосы убраны в тугой хвост. Подхожу медленно, открытые ладони на

виду. Научился за много лет: к людям после стресса подходить, как к раненым животным. Медленно. Без резких движений.

— Наталья?

Она вздрагивает. Поворачивается. В тёмных глазах узнавание и сразу напряжение.

— Вы кто?

— Виктор Михалыч Шатов. Менеджер Ильи Самарина. Того самого, который... — киваю в сторону посёлка, — ...вытащил вас от Костяна.

— Я помню. Что вам нужно?

— Поговорить. Пять минут. Можно прямо здесь.

Она смотрит на меня. Оценивает. Я вижу, как крутятся шестерёнки: возраст, костюм, «Гелендваген» на фоне, взгляд трезвый, неопасный. Просто мужик, который хочет что-то предложить.

— У вас пять минут. Я заправляюсь и уезжаю.

— Справедливо.

Она фиксирует защёлку пистолета и поворачивается ко мне. Руки скрещены на груди. Поза — «говорите быстрее и уходите».

— У Ильи проблема, — начинаю я. — Впереди бой за чемпионский титул. Контракты подписаны, спонсоры вложились, трансляции оплачены. Но есть одно «но». Вернее, два.

— Я слушаю.

— Первое: он выгорел. Полгода пахоты, лагеря, спарринги, диеты. Три дня назад заявил, что не выйдет в клетку. Я сегодня приехал его уговаривать — последняя попытка. А второе: у него застарелые травмы. Правое плечо — разрыв вращательной манжеты три года назад. Оперировали, но восстановление он толком не прошёл. С тех пор хроническое воспаление. Плюс спина, плюс колено. Ему тридцать два, для тяжеловеса не старость, но тело уже потрёпанное. Пока он валялся на диване и играл в приставку, плечо потеряло процентов тридцать амплитуды. Без нормального физиотерапевта он не то что бой — тренировку не вывезет.

Я делаю паузу. Она слушает. Молчит. Но я вижу — взгляд изменился. Она уже не просто ждёт, когда я уйду. Она слушает как профессионал.

— Я обзвонил всех, кого знаю, — продолжаю я. — Все лучшие специалисты заняты. У каждого свои команды, свои спортсмены, свои графики. А мне нужен человек, который разбирается в спортивной реабилитации и готов включиться прямо сейчас. Я поговорил с менеджером Костяна — Сергеичем. Он сказал, у вас золотые руки. Что вы работали в «Восстановлении», что ведёте частную практику. Что вы серьёзный специалист.

Она чуть приподнимает бровь.

— Вы уже и про меня узнали?

— Работа такая. Узнавать.

Пистолет в баке щёлкает — полный. Она вынимает его, вешает на место, закрывает крышку бензобака. Движения точные, без спешки.

— И что вы предлагаете?

— Контракт на три месяца. Подготовка к бою. Реабилитация плеча, работа со спиной и коленом, восстановление после нагрузок. Жить можете не в его доме — снимем жильё рядом или организуем трансфер из города, если захотите ездить. Оплата...

Я называю сумму.

Она молчит. Смотрит на меня. Потом переводит взгляд на трассу. Мимо проносятся машины. Солнце уже наполовину ушло за лес.

— Почему я? — спрашивает она наконец.

— Потому что вы здесь. Потому что Сергеич сказал — руки золотые. И потому что Илья вас уже видел.

— В каком смысле — видел?

— В прямом. Вы ему помогли сегодня. Сами того не зная, — я развожу руками. — Он психанул, заявил, что всех посылает. А потом услышал ваш крик за забором, пошёл разбираться и... в общем, после этого он согласился драться. Не знаю, что там у него в голове переключилось. Может, адреналин. Может, вы ему напомнили кого-то. Но факт: до вас он говорил «нет». После вас — «да». Я не могу это игнорировать.

Это полуправда. Но звучит убедительно. И главное — ни слова о том, что именно он сказал.

Она смотрит на меня долго. Я вижу — внутри идёт борьба. Страх после сегодняшнего. И профессиональный интерес.

— У меня условия, — говорит она.

— Слушаю.

— Первое: я работаю как физиотерапевт. Только как физиотерапевт. Никаких «подай-принеси», никаких «побудь с ним подольше». График соблюдаю. Второе: если пациент позволит себе то, что позволил ваш Костян, — я ухожу в ту же секунду. С неустойкой за срыв контракта по вашей вине. Пропишите в контракте. Третье: я не живу в его доме. Либо аренда рядом, либо трансфер. Четвёртое: я не его подруга, не его жилетка и не его психолог. Я врач. Если ему нужно общение — пусть заведёт кота.

Я киваю.

— Все четыре условия. Контракт будет у вас завтра утром. Всё пропишем.

Она чуть щурится.

— И вы не будете меня уговаривать на «что-то большее»?

— Я больше двадцати лет в этом бизнесе, Наталья. Я уговариваю людей выходить в клетку. Всё остальное — не моя компетенция. — Я достаю визитку. — Мой телефон. Позвоните, когда будете готовы обсудить детали, договор пришлю на вашу почту.

Она берёт визитку. Крутит в пальцах.

— У него правда такое плохое плечо?

— Плохое. Если не разрабатывать, рука перестанет подниматься выше уровня груди. Он не сможет бить. И не сможет защищаться. Для бойца это приговор.

Она кивает. Медленно. Я вижу — профессионал внутри неё уже включился. Уже прикидывает протокол. Уже мысленно разбирает это плечо на связки и сухожилия.

— Я позвоню, — говорит она.

Я сажусь в машину. Выезжаю с заправки. В зеркале заднего вида она стоит и смотрит на визитку. Солнце садится за спиной. Красный свет заливает бензоколонку, «Тойоту», её прямую фигуру в толстовке.

Рыбка клюнула.

Теперь надо объяснить Илье, что он получит не «свою девушку», а врача с железным характером, которая при случае может уронить его самого. И что о его ультиматуме она не знает.

Впрочем, кажется, именно это ему и нужно.

Только он ещё не понял.

глава 3

Наташа

Шлагбаум ползёт вверх, и я выезжаю из «Вымпела», не глядя в зеркало заднего вида.

Не хочу видеть этот посёлок. Не хочу видеть эти сосны, эти заборы, эти идеальные газоны, за которыми живут люди, уверенные, что им всё можно. Я хочу забыть сегодняшний день как страшный сон. Но руки всё ещё дрожат на руле, а в ушах стоит его голос: «Ну чего ты, дура? Я же по-хорошему».

По-хорошему?

Я выкручиваю руль и вылетаю на трассу. Мотор «Тойоты» воет, как раненый зверь. Ей десять лет, и она не предназначена для того, чтобы удирать от богатых ублюдков. Но сегодня она справилась. Я справилась.

Дорога пустая. Закатное солнце бьёт в лобовое стекло. Я шурю и пытаюсь дышать ровно. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Не помогает.

Пальцы сжимают руль до белых костяшек. Перед глазами его лицо. Константин Исаев. Футболист. Звезда. Красавчик с обложки. Я ехала к нему с чистыми намерениями: курс восстановительного массажа, три недели, хорошие деньги. С его менеджером мы обсудили всё досконально. Я прислала своё резюме, сертификаты, отзывы из клиники «Восстановление». Он ответил: «Отлично, ждём вас в воскресенье, адрес пришлём». Я собиралась спокойно, даже с удовольствием — наконец-то приличный заказ. Частный выезд к профессиональному спортсмену. То, ради чего я училась, ради чего пахала в клинике по двенадцать часов, ради чего ушла на вольные хлеба.

Я думала — это мой шанс.

А он открыл дверь, оглядел меня с ног до головы и ухмыльнулся. Не как пациент. Как покупатель на рынке.

— Заходи, красавица. Массажный стол в гостиной. Масло у тебя своё или мне достать?

Своё. У меня всё своё. Я таскаю с собой сумку с маслами, полотенцами и антисептиком, потому что привыкла рассчитывать только на себя. Я подошла к столу, достала бутылочки масла, натянула перчатки. Он смотрел. Не на стол. На меня.

— Может, без перчаток? Кожа к коже — оно ж лучше.

— По протоколу — в перчатках.

— Да брось ты свой протокол.

Я не бросила. Я никогда не бросаю протокол. Потому что протокол — это единственное, что отделяет меня от них. От тех, кто думает, что массажистка — это синоним слова «доступная». Я работаю с мышцами, связками и сухожилиями. Я ставлю на ноги спортсменов после травм. Я не оказываю «другие услуги». И каждый раз, когда очередной Костян решает, что «массаж» — это про отдохнуть и оттопыриться, я чувствую одно и то же: ярость пополам с унижением.

Но сегодня он не просто намекал. Он перешёл к делу.

Я даже не сразу поняла, что происходит. Просто в какой-то момент его рука оказалась не на столе, а на моём бедре. Я сказала: «Уберите». Он засмеялся. Сказал что-то про «не лмайся». Я отдёргнулась, он схватил за майку. Я рванулась — ткань затрещала. И тогда я схватила первое, что попало под руку.

Каминная кочерга. Армированный прут. Тяжёлый, холодный, надёжный.

Я выставила его перед собой и сказала: «Не подходите». Голос был чужой. Металлический. Я сама его не узнала.

Он остановился. Но не испугался. Он смотрел на меня как на истеричку, которая портит ему вечер.

— Ну чего ты, дура? Я же по-хорошему. Денег дам. Ну хочешь — сверху. Хочешь — контракт на сезон. Чё ты ломаешься?

И тогда я закричала.

Я не хотела кричать. Крик вырвался сам. Громкий, отчаянный, на весь участок. Я орала: «Отпустите меня!» — и понимала, что никто не придёт. Что вокруг — охраняемый посёлок, где у каждого свой дом, свой забор, свой мирок. Что люди здесь не вмешиваются в чужие дела. Что я одна.

А потом из-за угла вышел он.

Самарин.

Я не сразу поняла, кто это. Просто ещё один мужик — огромный, плечистый, с битым лицом. На секунду сердце рухнуло в пятки. Всё. Их двое. Сейчас они меня скрутят, и никто никогда не найдёт. Охраняемый посёлок, звёзды спорта, свои порядки — кому какое дело до какой-то массажистки? Я уже видела этот сценарий. Я знаю, как это бывает.

Но он сказал: «Костян, а ты не охренел?»

И всё изменилось.

Этот меня не трогал меня. Не смотрел как на добычу. Он встал между мной и футболистом, как будто это было его работой — закрывать собой незнакомых женщин. А потом он уложил Костяна одним ударом. Коротким. В челюсть. Футболист рухнул как мешок. Я стояла с кочергой в руках и не верила своим глазам.

Самарин поднял открытые ладони.

— Всё. Он спит.

Я опустила кочергу. Не сразу. Руки не слушались. Колени дрожали. Но я опустила. Потому что он смотрел на меня не как Костян. Не как покупатель. Он смотрел как человек, который понимает. Или хотя бы пытается.

Он проводил меня до машины. Молча. Я сказала «спасибо», коротко, сухо, потому что на большее меня не хватило. И уехала.

Вот и всё. Никакого курса массажа. Никаких хороших денег. Просто ещё один день, когда я пыталась работать, а получила унижение. Ещё один мужчина, который решил, что я вещь.

Но второй... второй оказался порядочным.

Я сжимаю руль. Перед глазами — его лицо. Битое. Уставшее. Светлые глаза, которые смотрели на меня без грязи. Он спросил: «Как тебя зовут?» Я ответила: «Наташа». Он сказал: «Илья». Я сказала: «Я знаю. Видела бои». И уехала.

Я не говорила ему, что смотрела его бои не как фанатка. Как специалист. Видела, как он двигается. Видела его плечо — правое, с хроническим воспалением, которое он маскирует под ударную мощь. Видела его спину, его колено. Смотрела его бои и думала: «Ему бы к хорошему физиотерапевту». Никогда не думала, что окажусь перед ним с кочергой в руках и в разорванной майке.

Трасса летит под колёса. Я моргаю. В глаза как будто песка насыпали. Не плакала. Не заплачу. Я не плакала год — с тех пор как увидела свою квартиру после пожара. И сейчас не собираюсь.

Пожар.

Я гоню эту мысль. Но она уже здесь. Она всегда здесь — на задворках сознания, как больное плечо Самарина. Не вылечить. Не забыть. Только заглушить работой.

Год назад. Я работала в «Восстановлении». Хорошая клиника на юге Москвы. У меня была квартира — не моя, съёмная, но я любила её. Две комнаты, большая кухня, старый паркет. Я сделала там ремонт за свой счёт — переклеила обои, покрасила потолки. Арендодатель не возражал. Ему было всё равно, лишь бы платила вовремя.

В то утро я уехала в клинику. Двенадцатичасовая смена. Тяжёлые пациенты, сложные случаи — я люблю сложные случаи. Вечером я возвращалась уставшая, но довольная. А когда подъехала к дому, увидела пожарные машины.

В квартире что-то замкнуло. Проводка старая, ещё советская. Я говорила арендодателю: «Надо менять». Он отмахивался: «Работает — не трогай». И вот результат. Стены чёрные, мебель — головешки, от моих вещей осталась груда мокрого пепла. Я стояла и смотрела на свою жизнь, превратившуюся в угли. Пожарные сказали: вам повезло, что вас не было дома. Повезло. Да. Наверное.

Арендодатель приехал через час. Он не спросил, как я. Не спросил, где я буду ночевать. Он сказал: «Теперь ты будешь всё восстанавливать на свои бабки. Квартира была в нормальном состоянии. Это ты что-то сделала». Я пыталась объяснить про проводку. Он не слушал. Подал в суд. Суд длился долго, но встал на его сторону — у него был хороший юрист, у меня не было никакого. Повесили сумму. Неподъёмную.

Я не могла оплатить сразу, пришлось брать кредит. А я только-только ушла из клиники на частную практику, думала — начну работать на себя, станет легче. А вместо этого получила долг, который висит на мне до сих пор. Каждый месяц я отдаю часть заработка — и каждый месяц сумма почти не уменьшается, потому что капают проценты.

С тех пор — однушка на окраине Москвы. Серая, тесная, с обоями в цветочек от предыдущих жильцов. Старая «Тойота», которая ломается через раз. И ноль свободных денег. Всё, что я зарабатываю, уходит на три вещи: масла и материалы для работы, выплата долга и чуть-чуть на жизнь. Чуть-чуть — это гречка, яйца, бензин и иногда новая толстовка, когда старая протирается до дыр.

Я не жалуюсь. Я сама выбрала этот путь. Никто не заставлял меня уходить в частную практику, никто не заставлял верить обещаниям арендодателя. Я взрослая женщина. Я справляюсь. Но иногда — вот как сегодня — я думаю: сколько ещё? Сколько ещё нужно пройти через таких Костянов, сколько ещё сжимать зубы, сколько ещё считать копейки, чтобы просто делать свою работу?

Я не верю людям. Раньше верила. Раньше я думала, что мир в целом справедлив и если ты делаешь своё дело хорошо, тебе воздастся. А потом случился пожар — и я узнала, как много друзей исчезает, когда тебе нужна помощь. Просто испаряются. «Ой, Наташ, мы бы помогли, но у нас самих сейчас сложно». «Слушай, я завтра перезвоню». «Ты держись там». Держись. Я держусь. Одна.

Заправка появляется справа. Лампочка уже моргает — бензин на нуле. Конечно. После такой гонки. Сворачиваю. Паркуюсь у колонки. Выхожу. Ноги ватные, но держат. Руки всё ещё дрожат, но я вставляю пистолет в бак и фиксирую защёлку. Привычные действия. Бензин. Оплата. Домой. Завтра новый день. Новые пациенты. Может быть.

Я стою и смотрю на цифры счётчика. И в этот момент сзади подъезжает чёрный «Геленд-ваген».

Я узнаю его сразу. Это машина менеджера Самарина. Я видела её, когда подъезжала к соседнему участку Исаева. Сердце снова падает. Что ему нужно? Неужели мало? Неужели я что-то сделала не так?

Он выходит. Высокий, с проседью в волосах, в помятом костюме. Подходит медленно, ладони держит на виду — как Самарин. Чтобы показать, что не опасен.

— Наталья?

— Вы кто?

— Виктор Михалыч Шатов. Менеджер Ильи Самарина.

Я помню его. Он стоял за спиной Самарина, когда я садилась в машину. Смотрел на меня как на уравнение, которое нужно решить.

— Что вам нужно?

— Поговорить. Пять минут.

Я смотрю на него. Оцениваю. Он старше, чем показалось сначала. Под глазами мешки. Галстук сбит. Он похож на человека, который не спал двое суток. Но глаза цепкие, умные. Такие глаза бывают у людей, которые привыкли договариваться.

— У вас пять минут. Яправляюсь и уезжаю.

— Справедливо.

И он начинает говорить. Про бой. Про Самарина. Про его плечо — разрыв вращательной манжеты, операция три года назад, реабилитации толком не было, потеря амплитуды, хроническое воспаление. Я слушаю, и профессиональная часть меня уже анализирует. Уже прикидывает: протоколы, нагрузки, восстановление. Три месяца — это мало для такого случая, но работать можно.

— Я обзвонил всех, — говорит он. — Лучшие специалисты заняты. А мне сказали — у Натальи золотые руки. Вы работали в «Восстановлении», ведёте частную практику. Вы серьёзный специалист.

— Вы уже и про меня узнали?

— Работа такая.

Он называет сумму. Я моргаю.

Три месяца. Этих денег хватит, чтобы закрыть долг. Не часть долга. Весь. И ещё останется. Впервые за год у меня будет не ноль. Впервые за год я смогу дышать, не считая каждую копейку.

Но что-то внутри меня звенит. Как пожарная сигнализация. Тихо, но настойчиво. Я не знаю, что именно. Может быть, то, как он на меня смотрит — не как на специалиста, а как на решение проблемы. Может быть, то, что он примчался за мной так быстро — как будто от этого зависит всё. Может быть, то, что Самарин вышел из-за угла именно в тот момент, когда я кричала. Слишком много совпадений.

Я не верю в совпадения. Я вообще мало во что верю после пожара.

Но деньги. Эти деньги.

Я выставляю условия. Чёткие, жёсткие, как протокол. Работаю как физиотерапевт. Никаких приставаний. Живу не в его доме. Никакой романтики. Михалыч кивает — быстро, охотно. Слишком охотно. Как будто он на всё согласен, лишь бы я подписала.

— Контракт будет завтра утром, — говорит он. — Всё пропишем.

Он даёт мне визитку. Я беру. Кручу в пальцах. Простая картонка. Золотое тиснение. Виктор Михалыч Шатов. Спортивный менеджмент.

— У него правда такое плохое плечо? — спрашиваю я.

И Шатов рассказывает, что если не лечить — рука перестанет подниматься. Он говорит, а я слушаю и понимаю: он не врёт. По крайней мере, про плечо. Я слишком хорошо знаю анатомию, чтобы в этом ошибиться.

— Я позвоню, — говорю я.

Чёрный гелендваген уезжает, а я стою у колонки и смотрю на визитку. Солнце уже село. Небо тёмно-синее, с оранжевой полосой у горизонта. Бензин давно залит. Пистолет висит на месте. Я не двигаюсь.

Я думаю о деньгах. О долге. О том, как будет выглядеть моя жизнь, если я скажу «да». Я смогу закрыть долг. Смогу снять нормальную квартиру. Смогу купить новые масла — те, что я давно хотела, но не могла себе позволить. Я смогу дышать.

Но я думаю и о другом. О том, как Михалыч на меня смотрел. О том, как быстро он согласился на все мои условия. О том, что Самарин появился именно тогда, когда я кричала. О том, что я ничего не знаю об этих людях — только то, что один из них спас меня, а второй только что пообещал золотые горы.

Где-то на подкорке звенит сигнализация. Тихо. Но я её слышу.

Я сажусь в машину. Кладу визитку на пассажирское сиденье. Завожу мотор. «Тойота» чихает , но заводится.

Домой. Завтра я позвоню. Наверное. Я ещё не решила.

Но цифры уже крутятся в голове.

глава 4

Илья

Одеяло с головой — это броня.

Я зарываюсь в него глубже, когда дверь в спальню распахивается и ударяется о стену. Шаги. Тяжёлые. Решительные. Так ходит только один человек во всей вселенной — и у него есть ключи от моего дома, потому что я был идиотом и сам их ему дал.

— Илья!!!

Голос Михалыча ввинчивается в мозг, как штопор в пробку. Я не реагирую. Может, уйдёт. Может, подумает, что я сдох, и тоже уйдёт. Хороший вариант. Мне нравится.

— Самарин! Ты посмотри на этот свинарник!

Слышу, как он пинает пустую пивную банку. Она катится по полу и врезается в другую банку. Оркестр. Не хватает только ударных.

— Коробки из-под пиццы! Бутылки! Сколько ты выжрал за выходные?!

— Много, — сиплю я из-под одеяла. Голос хриплый, как будто я не пил, а жрал наждачку.

— Слава богу, хоть шалав по углам нет, — ворчит Михалыч. — Уже прогресс.

Слышу, как он набирает чей-то номер.

— Алло? Клининг? Да, Виктор Шатов. Посёлок «Вымпел», улица Сосновая, дом двенадцать. Через час. Везде. Полы, поверхности, мусор вынести. Да, полный пакет. Деньги на карту скину.

Он сбрасывает. Тишина. Может, ушёл?

— Илья, вставай.

Я натягиваю одеяло на голову.

— Я занят. Я сплю.

— Ты не спишь. Ты прячешься.

— Одно другому не мешает.

Михалыч выдыхает — длинно, со свистом, как чайник перед закипанием. Я знаю этот звук. Сейчас будет взрыв.

— Я тут за бабами для него бегаю! — орёт он. — Договоры составляю! Условия обсуждаю! А он валяется тут, как тюлень на лежбище! Резво встал, Самарин!

Я стягиваю одеяло с лица. Смотрю на него одним глазом. Михалыч стоит посреди спальни, окружённый пивными банками, и лицо у него такое, будто он сейчас лопнет.

— Чего ты орёшь? — спрашиваю я лениво. — Воскресенье. Имею право.

— Уже понедельник. Восемь утра. — Он смотрит на часы. — Без пятнадцати восемь. Ты проспал всё, что можно и нельзя.

— Значит, имею право на понедельник.

— В душ. Бегом, — Михалыч указывает пальцем на дверь ванной, как прокурор на скамью подсудимых. — У тебя через два часа физио. Я договорился с Наташей. Она будет твоим врачом.

Я замираю. Одеяло сползает с плеча. Смотрю на Михалыча, пытаюсь понять — шутит или нет. Нет, не шутит. У Михалыча вообще нет чувства юмора в вопросах работы.

— Наташа, — повторяю я. — Которая с кочергой?

— Она самая. Твой новый физиотерапевт. Я за ней вчера полчаса по трассе гонялся, между прочим. Догнал на заправке. Поговорили. Условия обсудили. Сегодня утром подписали договор.

Я сажусь на кровати. Голова гудит. В висках стучит. Но это не похмелье. Вернее, не только похмелье.

— Михалыч. Я вообще-то не то имел в виду, когда тебя за ней посылал.

— А мне по хрен, что ты имел в виду, — он складывает руки на груди. — Наташа будет твоей. Врачебно. В медицинском смысле. У неё золотые руки, она работала в «Восстановлении», знает спортивную реабилитацию, и ей нужны деньги. Всё. Остальное — не моя компетенция.

— То есть ты...

— Я заключил с ней договор как с физиотерапевтом. Она будет заниматься твоим плечом. Твоей спиной. Твоим коленом. Твоей ленивой задницей, которая просидела на диване три недели и потеряла форму. — Он делает шаг ко мне. — Ты обещал мне бой, Самарин. Я достал тебе эту чёртову золотую рыбку — в том виде, в котором смог. Теперь твоя очередь.

Я смотрю на него. Он смотрит на меня. Взаимное упрямство. Два носорога, которые пятнадцать лет бодаются и никак не убьют друг друга.

— А она знает? — спрашиваю я.

— Что знает?

— Ну... Зачем ты её нанял. Что это я сказал.

— Нет. — Михалыч качает головой. — И не узнает. Я сказал, что тебе нужен физиотерапевт, потому что ты теряешь форму, а бой на носу. Что я обзвонил всех, никого не нашёл, а про неё мне сказали — золотые руки. Это всё правда, кстати. Ну, почти всё.

Я молчу. В голове что-то ворочается. Не злость. Скорее... облегчение? Она не знает. Она приедет не как «девушка Самарина». Она приедет как профессионал. Может, это и к лучшему.

С другой стороны — я её всё равно получу. Не так, как хотел, но так даже интереснее.

— Ладно, — говорю я.

— Что «ладно»?

— Ладно. Я встаю.

— Давно пора. — Михалыч подбирает с пола пустую банку и швыряет в мусорное ведро. Не попадает. — Чёрт. Клининг приедет — разберутся. В душ, Самарин. Живо. У тебя волосы жирные, как у бомжа. И щетина. И перегар на весь дом.

— Ты мне ещё зубы почисти, — ворчу я, спуская ноги с кровати.

— Если бы мог — почистил бы. Иди давай.

Я встаю. Мир покачивается, но терпимо. Смотрю на разгромленную спальню: пивные банки, коробки из-под пиццы, геймпад на полу, футболка, которую я вроде бы искал три дня назад. Да, Михалыч прав. Свиноарник.

— Через два часа, говоришь? — уточняю я.

— Через два. Я привезу её сюда сам. К тому времени здесь должно быть чисто, ты — трезвый, одетый и готовый работать. И, Илья...

— Что?

— Она серьёзная. Очень серьёзная. У неё условия: никаких приставаний, никакой романтики. Только работа. Если ты полезешь к ней — она уйдёт. С неустойкой. За твой счёт.

— И что, — я усмехаюсь, — я должен сидеть и не дышать?

— Дышать можешь. Остальное — под вопросом, — Михалыч разворачивается к двери. — Душ. Бритва. Одежда. Через час приедет клининг. Через два — Наталья.

— Михалыч.

Он оборачивается и смотрит на меня вопросительно.

— Спасибо, что ли.

— Пожалуйста, — криво ухмыляется мой менеджер. — Но если ты не выйдешь в клетку — я тебя сам урою. Понял?

— Понял.

Он выходит. Я остаюсь стоять посреди бардака. В голове звенит. Во рту — кошки нагадили. Но где-то под всем этим — странное, забытое чувство. Как будто я жду чего-то. Как будто сегодняшний день не будет похож на вчерашний.

Я иду в душ. Горячая вода. Потом холодная. Потом ещё несколько циклов. Бритва. Зубная щётка. Чистая футболка.

Дом начинает пахнуть не пивом и пищей, а хвоей и кофе. Клининг приезжает ровно через час — две женщины в синей форме, профессионально и быстро превращают мой бардак в идеальное, сверкающее чистотой жилище. Я сижу на кухне, пью кофе и смотрю на часы.

Через сорок минут.

Через тридцать.

Через пятнадцать.

У ворот шумит двигатель. Я смотрю в окно. Чёрный «Гелендваген» Михалыча. И рядом — старенькая «Тойота» с облезлым лаком.

Приехала.

Я ставлю чашку. Встаю. Расправляю плечи.

Ну что, Самарин. Ты хотел её видеть. Вот она. Врач. С кочергой наперевес.

Начинаем.

глава 5

Наташа

Останавливаюсь у ворот, и ещё несколько секунд просто сижу, держась за руль.

Дом Самарина выглядит иначе, чем я запомнила. В тот раз я видела его мельком: крыша над забором, калитка, угол участка. Теперь я смотрю на него осознанно: двухэтажный, современный, слишком большой для одного человека. Сосны вокруг. Тишина. Никакого мусора, только чистая лужайка и чёрный «Гелендваген» Михалыча у крыльца.

Он уже здесь. Ждёт. Приехал, и сам хотел отвезти меня, но я отказалась, на своей машине мне сподручнее, а бензин теперь включён в сумму оплаты по договору, так что не переживаю.

Открываю дверь, выхожу, из багажника достаю раскладной массажный стол — тяжёлый, но для меня уже привычный вес. Сумка с маслами, полотенцами и антисептиком уже на плече. Я собиралась пятнадцать минут, но всё равно чувствую себя так, будто что-то забыла. Наверное, это просто нервы.

— Давайте помогу.

Михалыч забирает у меня стол без лишних церемоний.

— Спасибо.

— Это мне вас благодарить, Наталья, — он кивает в сторону дома. — Илья к процедурам готов. Ну, почти. Я там клининг вызвал, проветрили. Пивные банки вынесли. Остальное — по вашей части.

— Пивные банки? — приподнимаю бровь.

— Увидите, — Михалыч вздыхает. — Вернее, услышите. Он с похмелья. Но вы не обращайтесь внимания. Работайте, как обычно. И помните: условия договора — закон.

— Я помню.

Мы заходим в дом. Внутри пахнет сосновой хвоей и кофе — клининг постарался на славу. Никакого бардака. Чистый пол, чистые окна, чистый воздух.

Сам хозяин стоит у кухонного островка с кружкой кофе. Босиком. В чёрной футболке и спортивных штанах. Волосы влажные после душа, побритый. Он смотрит на меня, и на секунду в светлых глазах мелькает что-то. Не похоть. Интерес. Как будто он не ожидал увидеть меня здесь, хотя прекрасно знал, что я приеду.

— А вот и моё мучение прибыло.

— Доброе утро, кстати.

Прохожу мимо него с невозмутимым видом и начинаю раскладывать стол. Руки двигаются на автомате: ножки, фиксаторы, простыня. Привычный ритуал. Он успокаивает.

— Доброе, — отзывается он без энтузиазма.

Михалыч ставит мою сумку рядом со столом и поворачивается к Самарину.

— Илья. Ещё раз для закрепления, — он достаёт из внутреннего кармана сложенный договор и хлопает им по стойке. — Наталья Витальевна — твой физиотерапевт. Она здесь по контракту. Ты её пациент. Никакой самодеятельности. Никаких фокусов. Ты меня понял?

— Понял, — цедит Илья.

— А теперь повтори.

— Михалыч, ты охренел? Я тебе что, школьник?

— Хуже. Ты боец ММА на больном. Повтори.

Пауза. Они смотрят друг на друга так пристально, что, кажется, сейчас искры полетят в разные стороны. Наконец, Илья закатывает глаза, сдаётся.

— Хорошо. Она врач. Я пациент. Никаких фокусов. Доволен?

— Почти, — Михалыч поворачивается ко мне. — Наталья, если что — звоните. Я буду на связи. Через пару часов заеду, узнаю, как всё прошло.

— Я справлюсь, не переживайте, — отказываюсь от предложения, не хочется, чтобы меня ещё его менеджер постоянно контролировал.

— Знаю, что справитесь, — он кивает и направляется к выходу, у двери оборачивается: — Илья. Бой. Помни.

Хлопает дверь. Тишина.

Мы остаёмся вдвоём.

Я заканчиваю раскладывать стол, проверяю высоту, поправляю простыню. Медленно. Без спешки. Пусть привыкнет к моему присутствию. Пусть поймёт, что я здесь не для того, чтобы ему улыбаться. Я здесь работать.

— Значит, так, — говорю я не оборачиваясь. — Снимайте футболку и ложитесь на стол. Лицом вниз.

— Сразу в койку? — слышу я его усмешку. — Мы даже не поужинали.

Я поворачиваюсь. Смотрю на него. Без улыбки. Без раздражения. Просто смотрю — как врач, который оценивает пациента и его шансы на выздоровление.

— Самарин. Давайте сразу договоримся. Пошлые шутки оставьте для своих подружек. Я ваш физиотерапевт. Вы моя работа. Если вам хочется флиртовать, делайте это в свободное от сеансов время. Вопросы?

Он смотрит на меня. Что-то в его глазах меняется. Не злость. Скорее переоценка. Как будто он ожидал, что я буду смущаться или захихикаю. А я не смутилась.

— Вопросов нет, — говорит он наконец.

— Отлично. Футболку снимайте.

Он стягивает футболку через голову и ложится на стол. Лицом вниз. Я подхожу ближе и на секунду замираю.

Я видела его тело на экране: в трансляциях боёв, в нарезках, в спортивных обзорах. Но экран не передаёт того, что видит физиотерапевт. Тело Самарина — это карта боевых действий. Каждый шрам, каждая неровность, каждый узел под кожей — история удара, травмы, выживания.

Я заставляю себя дышать. Это просто пациент. Просто мышцы. Просто работа.

Кладу ладони ему на плечи — и тёплая кожа отзывается под пальцами. Я начинаю с левого плеча, здорового. Мне нужно понять его норму. Пальцы скользят по трапеции, находят дельтовидную, спускаются к лопатке. Мышцы плотные, но живые. Рабочие. Такой мышечный корсет бывает у людей, которые годами вколачивают себя в форму.

— У вас очень профессиональные руки, — говорит он в стол.

— Я знаю.

— Без скромности, да?

— Скромность не лечит.

Перехожу к правому плечу и сразу чувствую проблему. Вращательная манжета жёсткая, воспалённая. Под пальцами микрорубцы, спайки, участки с нарушенным кровообращением. Я надавливаю на триггерную точку под лопаткой, и он хрипит.

— Бл... Ты что там делаешь?

— Диагностику, — не убираю пальцы. — Вот здесь — чувствуете? Это триггер. Узел. Мышца зажата так, что пережимает нерв.

— И что, теперь всегда так больно будет?

— Когда разомнём, будет легче.

Я продолжаю, спускаюсь вдоль позвоночника. Мышцы спины напряжены неравномерно: поясница берёт на себя компенсацию за больное плечо. Я провожу пальцами по всей длине позвоночника, считаю каждый позвонок, нахожу ещё несколько триггеров. Он терпит. Только иногда шумно выдыхает, когда я попадаю в особо болезненную точку.

Я чувствую его тело так, как чувствуют только физиотерапевты. Не как объект — как карту. Но в какой-то момент мои пальцы замирают на его пояснице — и я ловлю себя на том, что задержала дыхание. Вот здесь — старый шрам, косой, глубокий. Откуда? Нож? Осколок? Я провожу по нему кончиком пальца — и тут же одёргиваю себя. Это не имеет значения. Это не моё дело.

— Ну и как, док? — спрашивает он глухо. — Жить буду?

— Будете, — убираю руки и вытираю их полотенцем, голос ровный, профессиональный, никакой дрожи. — Но сначала будет очень хреново.

— Это как?

— Я начинаю первый массаж прямо сейчас. Плечо запущено настолько, что откладывать нельзя. Будет больно. Очень. Но если не сделать — через месяц вы не поднимете руку выше груди. Выбирайте.

Он поворачивает голову и смотрит на меня одним глазом.

— А ты умеешь уговаривать.

— Я умею лечить. Уговаривать — это к Михалычу.

Он усмехается и снова роняет лицо в подголовник.

— Давай. Делай.

Я наношу масло на ладони и начинаю.

Первый массаж при хроническом воспалении — это всегда боль. Мышцы сопротивляются, связки не хотят отпускать, суставная сумка сокращена. Я работаю глубоко, методично, без жалости. Мои пальцы впечатываются в его кожу, проходят вдоль вращательной манжеты, разминают каждую спайку. Он дышит тяжело. Иногда — сквозь зубы. Иногда — задерживает дыхание. Но не орёт. Не просит остановиться. Только один раз, когда я нахожу особо глубокий узел под лопаткой, он издаёт звук — низкий, гортанный, что-то среднее между стоном и рычанием.

У меня сердце замирает.

На секунду. Всего на одну дурацкую секунду. Я заставляю себя выдохнуть. Это просто реакция на боль. Просто физиология. Ничего личного.

Перехожу к задней поверхности плеча. Трицепс, дельтовидная, надостная мышца. Его кожа горячая под моими пальцами, мышцы налиты кровью, я чувствую, как они пульсируют после массажа, знаю это ощущение. Я работала с десятками спортсменов. Но ни один из них не заставлял меня замечать температуру своей кожи.

Самарин пахнет гелем для душа и хвоей, наверное, от сосен за окном. Или это его собственный запах. Я не должна это замечать, не должна об этом думать.

Работаю.

Двадцать минут. Тридцать. Сорок. Я перехожу к шее: жёсткой, забитой, с нарушенным кровотоком. Потом к пояснице. Потом к левому колену — лёгкая мобилизация, без сильного воздействия, но он всё равно шипит, когда я нахожу там старую гематому.

— Что там? — спрашивает он.

— Старая травма. Месяца три назад.

— Четыре. Бой в Вегасе.

— Ясно.

Я заканчиваю. Медленно убираю руки. Делаю шаг назад. Он лежит неподвижно. Дышит. Я вижу, как блестит его кожа под лампой — масло, пот, разогретые мышцы. Он выглядит так, будто только что вышел из клетки. И пахнет так же.

Моё сердце стучит быстрее, чем должно.

— Всё, — говорю я. — Можете вставать.

Илья садится медленно. Вращает плечом. Морщится.

— Чувствую себя так, будто меня переехал грузовик.

— Это нормально. Первый массаж всегда самый жёсткий. Завтра будете чувствовать себя ещё хуже, сразу предупреждаю. А послезавтра — чуть лучше. Потом постепенное улучшение. И так до боя.

— И сколько таких сеансов нужно?

— Таких три-четыре раза в неделю — глубокий массаж и мобилизация. В остальные дни — разогревающие массажи, ЛФК, растяжка, упражнения на амплитуду. Я пришлю вам план. И да — пиво отменяется. Мышцам нужна гидратация, а не обезвоживание.

Он вздыхает — тяжело, как человек, у которого отнимают последнюю радость.

— Это будет долгий месяц.

— Это будет долгий контракт. — Я начинаю складывать инструменты. — И, Самарин.

— Что?

— Сегодня вечером — горячая ванна с солью. Завтра утром — лёгкая разминка. Я приеду в три.

Он сидит на массажном столе — огромный, битый, уставший — и смотрит на меня так, будто видит впервые.

— Ты всегда такая?

— Какая?

— Как танк. Только вежливый.

— Только с трудными пациентами, — я застёгиваю сумку. — До завтра.

— До завтра, — отзывается он.

Выхожу на крыльцо. Свежий воздух бьёт в лицо. Сосны. Тишина. Я сажусь в «Тойоту» и только сейчас позволяю себе выдохнуть.

Мои пальцы всё ещё чувствуют его кожу. Ладони помнят каждый узел, каждый шрам, каждый позвонок. Сердце колотится слишком часто. Это усталость. Это просто адреналин после сложного массажа. Я слишком давно не работала с тяжёлыми случаями.

Вру сама себе.

Завожу мотор. «Тойота» заводится, выезжаю за ворота, и перед глазами всё ещё стоит картинка: Илья «Смерч» сидит на массажном столе, вращает плечом и смотрит на меня совсем не как на врача.

глава 6

Илья

Она уходит, и я остаюсь сидеть на массажном столе как пришибленный.

Плечо гудит. Спина горит. Шея не поворачивается. Я пытаюсь покрутить головой — получается на треть амплитуды и с таким хрустом, будто там не позвонки, а битое стекло. Чёртова баба. Чёртов Михалыч. Чёртов я со своим длинным языком.

«Драться буду, если она будет моей». Придурок. Надо было до конца прогибать Михалыча, чтобы тот отменил бой. Послать всех, остаться на диване, играть в приставку и медленно, с комфортом превращаться в овощ. Это был отличный план. Выверенный. Надёжный. А теперь что? Теперь я сижу с больным плечом, меня разминают как кусок теста, и какая-то девица с кочергой имеет наглость заявлять: «Пошлые шутки оставьте для подружек».

Сползаю со стола. Ноги ватные. Пол холодный.

Иду к холодильнику. Открываю.

Там стоит батарея из банок пива. Я заказывал впрок на выходные, десяток точно остался. Холодные, запотевшие.

Беру одну. Открываю. Пью.

Холодное пиво льётся в горло, и это — лучший момент за весь день. Лучше, чем её руки на плечах. Почти. Я делаю глоток, второй, третий — и ставлю пустую банку на стол. Похрен. С одной банки ничего не будет. Она говорила: гидратация, обезвоживание, мышцы... Да пусть работает. Я ей за это бабло отваливаю. Хорошее бабло, между прочим. Нефиг мне ещё и пиво запрещать.

Я швыряю пустую банку в мусорное ведро.

В голове до сих пор крутится каждое её движение. То, как она положила ладони мне на плечи — сухо, деловито, без трепета. То, как прошлась пальцами вдоль позвоночника — не как женщина, как сканер. То, как нашла триггер под лопаткой и надавила. Сука. Я едва не взвыл. Она не остановилась. Она надавила сильнее и сказала: «Триггер. Узел. Переживает нерв». Таким тоном, будто объясняла ребёнку, почему нельзя совать пальцы в розетку.

Я её ненавижу.

Нет, не так. Я ненавижу себя за то, что подписался на это. Михалыча — за то, что он выполнил мой же собственный дурацкий приказ. И её — за то, что она делает свою работу так, будто я не трёхкратный чемпион, а просто кусок мяса на массажном столе.

А потом она снова начала давить.

Правое плечо, вращательная манжета. Я думал, что умру. Честно. Я лежал лицом в подголовник и дышал как загнанный пёс, а её пальцы вгрызались в мышцы глубже и глубже, и каждая спайка, которую она находила, отзывалась такой болью, что перед глазамиплыли белые круги. Я матерился про себя. Много. Длинно. С чувством. Если бы я орал вслух всё, что думаю, она бы, наверное, выбежала из дома и больше не вернулась.

Один раз она надавила на что-то под лопаткой — и я издал звук, за который мне стыдно до сих пор. Низкий, гортанный, что-то среднее между рычанием и стоном. Она не остановилась. Даже ритм не сбила. Просто продолжала мять меня как пластилин. А я лежал и думал: «На хрена. На хрена я это сделал. На хрена я сказал — если она будет моей. На хрена вообще это всё».

А потом эта Наташа вдруг сменила движение.

Только что её пальцы были жёсткими, ввинчивались в мышцы, разрывали спайки и вдруг стали другими. Гладкими. Широкими. Она прошлась ладонями от шеи к плечам, медленно, с нажимом, но уже не глубоко — скользяще, почти лаская. Масло тёплое, кожа разогрета, мышцы налиты кровью — и на секунду я поплыл. Честно. Реально поплыл. Боль ушла куда-

то на задний план, а осталось только это — её руки, тёплые, профессиональные, скользкие по моим плечам. Я закрыл глаза и почти застонал — теперь уже по-другому. Кайф. Живой, настоящий кайф после получаса боли.

Я даже подумал — может, не всё так плохо. Может, я зря на неё злюсь. Может...

А она снова надавила.

— Ай! Твою мать, женщина!

— Это триггер, — сказала она ровно. — Под правой лопаткой. Вы его годами копили.

Я сжал зубы и досчитал до десяти. Потом до двадцати. Потом до полусотни. Она работала — методично, беспощадно, как маленький вежливый танк. Я ненавидел её. Я ненавидел себя. Я ненавидел Михалыча, который где-то там, в своём офисе, наверняка сидит и улыбается.

Когда она, наконец, сказала: «Всё. Можете вставать», — я чуть не перекрестился от облегчения.

И эта физиотерапевт ушла. Собрала свои масла, свой блокнот, свою чёртову сумку — и ушла. Прямая спина, тугой пучок на затылке, ни одного лишнего взгляда. Как будто не она только что сорок минут копалась в моих мышцах как в огороде. Для неё я просто единица в её рабочем графике.

Хлопнула дверь. Взревел мотор «Тойоты». Тишина.

Я сижу на кухне и чувствую себя так, будто меня переехал грузовик. Нет, не грузовик. Каток. Асфальтоукладчик. Что-то тяжёлое и неумолимое. Плечо ноет. Спина горит. Шея хрустит. Но при этом — странное чувство где-то под всей этой болью. Мышцы наконец-то расслабились после месяцев каменного напряжения. Как будто я только что вышел из клетки после хорошего боя. Избитый, но живой.

Иду в гостиную. Падаю на диван. Беру геймпад. Консоль оживает, на экране — меню. Выбираю шутер. Сетевой режим. Загружаюсь в карту.

Вечер проходит как в тумане. Стрелялка за стрелялкой. Уроды бегут — я их кладу. Голова, голова, грудь. Перезарядка. Снова голова. Руки работают на автомате. Плечо ноет, но я забиваю. Терпимо. Главное — не двигаться резко.

В восемь вечера заказываю доставку роллов. В восемь тридцать курьер привозит коробку. Я ем прямо из неё, заливая соевым соусом. Вкусно. Жирно. Вредно. Плевать.

Достаю из холодильника вторую банку пива. Ну а что? Две банки — это не много. Я раньше по шесть за день выпивал, когда был в депрессии. Сейчас — всего две. Прогресс. Она должна мной гордиться. Я открываю банку, делаю глоток, улыбаюсь своим мыслям. Интересно, что бы она сказала, если бы увидела? Наверное, посмотрела бы своим фирменным взглядом — холодным, осуждающим — и сказала: «Самарин, мы договаривались». А я бы ответил: «Наталья Витальевна, это минералка». Она бы не поверила. Она вообще мне не верит.

Ванна с солью, которую она прописала, остаётся проигнорированной. Я смотрю на дверь ванной — и отворачиваюсь. Не хочу. Лень. Завтра. Может быть.

В полночь я всё ещё в приставке. Глаза слипаются, но я играю. Реакция уже не та, пальцы промахиваются. Умираю раз за разом. Чёрт с ним. В час ночи выключаю консоль. В два всё ещё ворочаюсь. В три смотрю в потолок, думаю о ней.

Она стоит передо мной — прямая спина, тугой пучок, тёмные глаза, в которых нет ни страха, ни подбострастия. Она смотрит на меня как на равного. Как на пациента. Как на задачу, которую надо решить. И меня это бесит. Бесит так, что хочется её встряхнуть — чтобы хоть что-то дрогнуло в этом её ледяном профессионализме.

Как бы эту девочку сломить?

Я представляю её здесь. В этом доме. Не с блокнотом и маслами, а просто — мою. Представляю, как она смотрит на меня не холодно, а горячо. Как её губы приоткрываются. Как она дышит часто-часто и постанывает от нетерпения, а я не спешу. Я бы её помучил перед этим. Как она меня на массажном столе. Медленно. Долго. Чтобы она забыла, как дышать. Чтобы её

ледяной профессионализм разлетелся вдребезги. Чтобы она поняла — я не просто пациент. Я Самарин. Илюха Смерч. И если я чего-то хочу...

Мысль обрывается. Проваливаюсь в сон.

Мне снится, что она снова кладёт ладони мне на плечи. Но на этот раз не как врач, и я не лежу лицом в подголовник. Наташа улыбается, и у неё очень тёплые пальцы.

глава 7

Михалыч

Телефон звонит в половине шестого вечера.

Я сижу в офисе, разбираю бумаги. Вернее, пытаюсь разобрать, перед глазами плывут строчки контракта на следующий бой, но мысли всё время соскальзывают на сегодняшний сеанс. Наталья уже уехала от Самарина. Я специально не звонил — дал им время. Пусть поработают без моего контроля. Но трубку всё равно держал поближе.

И вот — звонок.

На экране высвечивается: «Наталья физио». Я откладываю бумаги и отвечаю:

— Слушаю, Наталья.

— Виктор Михалыч, это я, — голос у неё уставший, но собранный, так звучат люди, которые провели на ногах много часов и всё ещё не разрешили себе расслабиться. — Сеанс прошёл нормально. Плечо запущено, спина тоже, но в целом я довольна. Я составила протокол, скинула Илье на почту. Но...

Она замолкает. Я жду.

— Но? — подталкиваю я.

— Но мне показалось, что он меня не слушается.

Я откидываюсь в кресле. В трубке слышно, как она выдыхает — длинно, сдержанно. Она явно подбирает слова.

— Я дала ему рекомендации. Горячая ванна с солью, лёгкая разминка утром, никакого алкоголя, никакой жирной еды. А он... — Она замолкает снова. — У него было такое лицо, Виктор Михалыч. Как будто он слушает, но не слышит. Как будто он уже решил, что всё это — ерунда, и он всё равно сделает по-своему.

— Вы ему об этом сказали?

— Я ему не нянька, — в её голосе прорезается сталь. — Я физиотерапевт. Я даю рекомендации, а не выпрашиваю обещания. Он взрослый мужик. Если он хочет угробить своё плечо — это его право. Но если он сорвёт подготовку, я не хочу быть крайней.

Я усмехаюсь. Наталья не видит, но, кажется, слышит что-то в моём молчании.

— Что вы усмехаетесь?

— Ничего. Просто вы на него очень похожи.

— В каком смысле?

— В смысле упрямства, — беру со стола ручку, кручу в пальцах. — Наталья, послушайте. Я знаю Илью давно. Он сложный. Он хамоватый и иногда ведёт себя как последняя скотина. Но он не конченный идиот. Если он пообещал — он сделает.

— Он не обещал.

— То есть как?

— Я сказала: «Пиво отменяется, горячая ванна вечером, разминка утром». Он скривился и сказал: «Это будет долгий месяц». Это не «я обещаю». Это «я потерплю, пока ты стоишь рядом, а потом сделаю по-своему». Я таких пациентов видела. У них на лице написано: «Баба, не учи меня жить».

Кладу ручку на стол. Её злость — это не истерика. Это профессиональное раздражение человека, который привык, чтобы его рекомендации выполняли. И она права: Илья именно так и думает. «Баба, не учи меня жить». Я слишком хорошо его знаю.

— Я понял вас, — говорю я. — Завтра утром заеду к нему и проверю.

— Обещаете?

— Да. Если он не сделал ванну — заставлю. Если не делал разминку — заставлю. Если в холодильнике пиво — выкину к чёртовой матери.

— Он вас пошлёт.

— Пошлёт. Обязательно пошлёт, — я снова усмехаюсь. — Он меня посылает уже пятнадцать лет. Я привык. Но режим он соблюдать будет. Я вам обещаю.

Молчание. Потом:

— Спасибо, Виктор Михалыч. Извините, что я так... Я просто...

— Просто вы устали и переживаете за пациента. Это нормально.

— Он не просто пациент. Он... — Наташа обрывает себя. — Ладно. Неважно. До свидания.

— До свидания, Наталья. Завтра наберу.

Я кладу трубку и смотрю в потолок. «Он не просто пациент». Интересно. Очень интересно. Она не договорила, но я услышал то, что она не сказала. Илья её зацепил. Не как пациент. Как мужчина. Она пока не готова это признать — даже себе. Но я слишком старый и слишком опытный, чтобы не заметить.

Впрочем, сейчас это не главное. Сейчас главное, чтобы он не сорвал подготовку. А для этого ему нужен режим. И если он сам не может его соблюдать — я ему помогу.

Я встаю из-за стола и иду к выходу. Завтра с утра поеду к Илье. Без предупреждения.

Утро. Девять ноль-ноль. Паркую «Гелендваген» у ворот Самарина и открываю калитку своим ключом. Пятнадцать лет назад я уговорил его дать мне дубликат. С тех пор он сто раз пожалел, но ключ у меня до сих пор.

В доме тихо. Слишком тихо для человека, который должен был проснуться и сделать разминку. Я прохожу в гостиную. Массажный стол сложен и стоит у стены — Наталья вчера аккуратно убрала. Диван продавлен, на подлокотнике — геймпад. На журнальном столике — пустая коробка из-под роллов. Жирные пятна на картоне. Одноразовые палочки. Соевый соус в лужице.

Иду на кухню. Открываю холодильник.

Так. Пиво. Много пива. Я насчитал восемь банок — запотевших, холодных. В морозилке — ещё две, на всякий случай, видимо. В баре над холодильником — початая бутылка виски и две бутылки водки. Ох, Илья.

Я открываю шкаф под мойкой, достаю мусорный пакет и начинаю зачистку. Банки летят в пакет с глухим стуком. Одна, вторая, третья. Четвёртая. Пятая. Я работаю методично, без злости — как санитар в очаге эпидемии.

— Какого хера?!

Голос сзади. Я оборачиваюсь. Самарин стоит в дверях кухни — босиком, в мятой футболке, волосы дыбом, глаза красные. Видимо, лёг только утром, после ночи в приставке.

— Доброе утро, Илья. — Я продолжаю выгружать банки. — Хорошо спал?

— Что ты делаешь с моим пивом?!

— Выкидываю.

— Это моё пиво!

— Твоему плечу оно не нужно. Твоей спине тем более, — вытряхиваю в пакет остатки. — Горячая ванна вчера была?

Пауза. Слишком долгая.

— Не помню.

— Врёшь. Разминка утром?

— Я только встал!

— В восемь утра ты должен был уже размяться. Наталья сказала: лёгкая разминка. Ты её рекомендации вообще читал?

Илья смотрит на меня. Потом на пакет с пивом. Потом снова на меня. В его глазах злость пополам с похмельной мутой.

— Михалыч. Ты что, мамочка моя?

— Нет. Я твой менеджер. Который вложил в тебя пятнадцать лет, кучу денег и последние нервы. Если ты не можешь соблюдать режим сам — я поселюсь здесь и буду за ним следить.

Он делает шаг ко мне. Ростом Илья выше, плечами шире, и когда он зол — у него вот эти белые глаза, которые парализуют соперников в клетке. Но я видел это бесчисленное количество раз. Меня это не берёт.

— Нет, Михалыч, — его голос понижается до опасного шёпота. — Только не надо вот этого. Я взрослый дядя. Живу один. Ты мне здесь нахрен не нужен. Понял?

— Понял, — завязываю пакет. — Тогда будь добр, живи как взрослый дядя. Соблюдай режим. Делай разминку. Не жри на ночь роллы. Не заливай в себя пиво, пока твой физиотерапевт пытается поставить тебя на ноги. Договорились?

Он молчит. Желваки играют. Я вижу — он хочет меня послать. Очень хочет. По старой привычке — коротко, матом и с чувством. Но что-то его держит. Может быть, воспоминание о том, как её пальцы вчера вгрызались в его плечо. Может быть, мысль о том, что она скажет, когда узнает. А она узнает — я ей расскажу.

— Ладно, — говорит он наконец. — Убедил. Но пиво мог бы и оставить. Это было хорошее пиво.

— Хорошее пиво — это то, которого нет, когда ты готовишься к титульному бою, — поднимаю пакет. — Виски тоже забираю. И водку. Когда подпишешь новый контракт — купишь себе ящик. После боя.

— А если я проиграю?

— Тогда напьемся вместе, — хлопаю его по здоровому плечу. — А пока — разминка. К трём придет Наталья. Будь готов.

Он смотрит на меня. Молчит. Потом вдруг коротко усмехается.

— Ты невыносим.

— Я знаю, — иду к выходу.

У двери оборачиваюсь:

— Илья. Она мне звонила вчера. Волновалась. Сказала, что ты её не слушаешься.

Он замирает.

— Волновалась?

— Как профессионал. Но всё же. Не подведи её.

Я выхожу на крыльцо. Утреннее солнце, сосны, холодный воздух. В руке — пакет с пивом и виски. В голове — её голос: «Он не просто пациент». И его взгляд, когда я сказал: «Она волновалась».

Кажется, мой план работает. Причём с обеих сторон.

Сажусь в машину и еду выбрасывать алкоголь. День только начался, а я уже сделал для здоровья своего бойца больше, чем некоторые врачи за целый курс. Михалыч, ты чёртов гений. Или чёртова мамочка — тут уж как посмотреть.

глава 8

Наташа

Утро встречает меня серым небом и морозящим дождём.

Я паркую «Тойоту» у ворот Самарина, достаю сумку и иду к дому. Дождь мелкий, противный, он не льёт, а висит в воздухе, оседая на волосах и одежде. Я накидываю капюшон и жалею, что не взяла зонт.

Дверь открывается до того, как я успеваю позвонить.

Илья стоит на пороге. Босиком, в серой футболке и свободных шортах. Вид помятый. Под глазами тени, волосы растрёпаны, на щеках щетина. Он смотрит на меня исподлобья, и во взгляде читается всё сразу: недовольство, усталость и какое-то мальчишеское упрямство.

— Опять пришла мучить, — говорит он вместо приветствия.

— Доброе утро, Самарин, — прохожу мимо него в дом. — Вижу, ванну вы вчера не принимали.

— С чего ты взяла?

— Лицо отёкшее. После горячей ванны с солью такого не бывает.

Он захлопывает дверь и плетётся за мной. Я уже раскладываю стол. Руки двигаются на автомате — ножки, фиксаторы, простыня.

— Ты и это видишь? — он останавливается у дивана. — Отёкшее лицо?

— Я физиотерапевт. Я всё вижу, — достаю из сумки масло, полотенца, антисептик. — Как плечо?

— Болит.

— Спина?

— Болит.

— Хорошо.

— Хорошо?! — округляет глаза.

— Хорошо, это значит, вчерашний массаж сработал, — выпрямляюсь и смотрю на него без эмоций. — Сегодня будет легче. Разогревающий и расслабляющий массаж. Глубокого не будет. Обещаю.

Он скептически хмыкает, но подходит к столу. Стягивает футболку. Ложится. На этот раз — без лишних комментариев. Уже прогресс.

Я наношу масло на ладони и начинаю.

Сегодняшний массаж — это отдых для мышц после вчерашней встряски. Никаких триггеров, никаких глубоких проминаний. Только длинные, скользящие движения — от шеи к плечам, от плеч к лопаткам, вдоль позвоночника к пояснице. Мои пальцы скользят по его коже легко, но с нажимом — так, чтобы мышцы расслабились, чтобы ушло напряжение, которое вчера из них выбивала.

Он лежит молча. Дышит ровно. Я почти решаю, что сегодня обойдётся без балагана, но...

— Слушай, — говорит он в подголовник, — а может, хоть сладеньким побалуемся? А?

Мои руки замирают на секунду. Ровно на секунду. Потом продолжают работать.

— Самарин. Держите себя в руках. Я работаю.

— Да я не про то, — он поворачивает голову, пытаясь поймать мой взгляд. — Я про массаж. Ну хоть погладь меня нежно. Вчера так больно было.

— Я работаю по плану. Массаж — это не «погладить». Вы как спортсмен должны это понимать.

— А я вот не понимаю, — Илья снова роняет лицо в подголовник. — Я простой боец. Мне нужно, чтоб нежно.

Я не отвечаю. Мои руки продолжают скользить по его спине профессионально, методично, без лишнего. Но в какой-то момент я ловлю себя на том, что мои ладони действительно скользят мягче, чем нужно по протоколу. Я одёргиваю себя. Возвращаюсь к стандартному нажиму.

— А можно я тебя поглажу? — говорит он вдруг.

— Что?

— Ну пожалуйста. Хоть чуток. В награду. За то, что послушно лежу и не дёргаюсь.

Я выдыхаю. Медленно. Считаю до трёх.

— Мне было бы гораздо приятнее, если бы вы молча лежали и не несли всякую ерунду.

— Если буду молчать — засну.

— Я была бы не против.

— Буду храпеть. Громко.

— Меня это вообще не парит.

— Да чего ты такая непробиваемая? — Самарин снова поднимает голову. — Другие при виде меня текут смачно. А ты включила ледышку и не отступаешь.

Я убираю руки. Смотрю на него. Взгляд — прямой, спокойный. Такой же, каким я вчера говорила ему про пошлые шутки.

— Самарин. Вы договор читали? Ещё слово, и я уйду.

Он смотрит на меня. Секунду. Две. В глазах смесь раздражения и чего-то ещё. Интереса, наверное. Или азарта. Он проверяет меня на прочность, как проверял бы соперника в клетке. Пробует, где слабое место.

— Ладно, — говорит он наконец. — Понял я.

И замолкает.

Я возвращаюсь к работе.

Мои ладони снова скользят по его коже. Масло тёплое, мышцы разогреты. Он расслабляется, я чувствую, как уходит напряжение. Плечи опускаются, дыхание выравнивается. На несколько минут наступает почти тишина, только шум дождя за окном и влажный звук моих ладоней, скользящих по его телу.

— Перевернитесь на спину, — говорю я.

Он переворачивается.

И я вижу.

Шорты не скрывают. Совсем. Эрекция заметная, очевидная, и он не пытается её спрятать. Лежит на спине, смотрит на меня снизу вверх и улыбается. Слащаво. Нахально. По-мальчишески. Как будто говорит: «Ну что, съела? Вот он я. Реагирую. И что ты теперь будешь делать?»

Моё сердце пропускает удар.

Заставляю себя не отвести взгляд. Не покраснеть. Не подать виду. Я профессионал. Я видела сотни тел. Это просто физиология. Реакция на массаж. Так бывает. Ничего личного.

Но мои щёки горят.

Отворачиваюсь к сумке, якобы за полотенцем. Даю себе секунду. Всего одну. Выдыхаю. Разворачиваюсь обратно.

— Руки вдоль тела, — говорю я ровно. — Начинаю с плеч.

Он подчиняется. Но улыбка не сползает. Я работаю: шея, плечи, грудные мышцы. Мои пальцы профессиональны. Никакой дрожи. Никакой заминки. Но внутри меня всё дрожит. Потому что он смотрит. Всё время смотрит. Не на потолок. На меня.

И его тело под моими руками — тёплое, живое, отзывчивое. Я чувствую каждый мускул, каждую жилку. Я чувствую его дыхание — оно стало чуть чаще, чем нужно. Я чувствую запах: гель для душа, сосновая хвоя и под этим он сам. Мужской, тяжёлый запах, от которого у меня пересыхает во рту.

Это неправильно. Это профессиональный срыв. Я не должна это замечать.

Но я замечаю.

Я заканчиваю массаж на три минуты раньше, чем планировала. Просто потому, что не могу больше. Потому что моё тело орёт мне то, чего я не хочу слышать.

— Всё, — говорю я, голос чуть тише обычного. — Сеанс окончен.

Я вытираю руки полотенцем. Не смотрю на него. Собираю масла, блокнот, укладываю в сумку. Движения чёткие, быстрые. Как будто я убегая.

— Наташ, — говорит он тихо.

Я замираю. Он впервые назвал меня по имени.

— Что? — я не оборачиваюсь.

— Спасибо. Правда. Плечу легче.

Я выдыхаю. Застёгиваю сумку.

— Пожалуйста, — я иду к двери. — Завтра в три. Разминку не пропускать.

— Не пропущу.

Выхожу на крыльцо. Дождь всё ещё моросит. Подставляю лицо холодным каплям и стою так несколько секунд. Мои щёки всё ещё горят. Сердце колотится.

Он лежал на спине. С эрекцией. И лыбился. А я не могла отвести взгляд. Я хотела. Но не могла.

Сажусь в машину. Завожу мотор. Выезжаю за ворота, и только на трассе позволяю себе произнести вслух то, что крутилось в голове весь сеанс:

— Чёрт! А ты Самарин гавнюк. И что теперь делать? Поплыла, Наташа? Не смей этого делать, у тебя контракт, ты врач, ты не имеешь права.

Но тело обдаёт горячей волной от воспоминаний о его пристальном взгляде, он меня хотел, и совсем не скрывал своего желания. А я? Я тоже хотела, и это катастрофа.

глава 9

Илья

Наташка уходит, а я остаюсь лежать на массажном столе и улыбаюсь в потолок.

Нет, я не встаю. Мне и тут хорошо. Плечо ноет, но уже не так, как вчера. Мышцы расслаблены, горячие, и по всему телу разливается приятная слабость, как после хорошего спарринга.

Но дело не в массаже.

Дело в том, что я видел. Её лицо. Её щёки. Они горели. Она думала, что я не замечу, — отвернулась к своей дурацкой сумке, сделала вид, что ищет полотенце. Но я видел. У неё загорелись щёки.

Я, Илья Самарин, тридцати двух лет от роду, лежал перед ней с каменным стояком, лыбился как придурок, а она — не сбежала. Не оскорбилась. Не прочитала мне лекцию о профессиональной этике. Просто отвела взгляд на секунду и продолжила работать.

«Руки вдоль тела. Начинаю с плеч».

Голос ровный. Пальцы не дрожат. Но я видел как дыхание ускорилось. Вдох-выдох, вдох-выдох... Быстро-быстро. Как у пойманной птицы.

Сажусь на столе, свешиваю ноги. Пол холодный, но мне плевать.

Значит, не такая уж ты ледяная, Наталья Витальевна. Значит, пробиваема. Значит, где-то там, под бронёй из протоколов и профессиональной этики, прячется живая женщина, которая реагирует на меня. Не как на пациента. Как на нормального мужика.

Усмехаюсь, встаю, потягиваюсь. Плечо отзывается тупой болью, но уже не той, что вчера. Вчера я честно думал, что сдохну. Сегодня — просто ноет. Прогресс.

Иду на кухню. Открываю холодильник по привычке и вспоминаю. Там пусто, вернее, не совсем пусто, но того, за чем я туда полез, в этом белом охлаждающем шкафе нет. Михалыч вычистил всё под ноль. Ни пива, ни виски, ни водки. Даже заначку в морозилке выгреб. Чёртов старый мародёр. Я закрываю дверцу и наливаю воды из-под крана. Пью. Вода ледяная, течёт по подбородку. Не вытираю.

Потом в гостиную. Сажусь на диван. Смотрю на массажный стол. В голове крутится её лицо, Наташа, Наталья, как она сказала: «Сеанс окончен». Голос был чуть тише обычного. И ушла она на три минуты раньше. Я засёк. Я всегда засекаю время в клетке — привычка. Три минуты она мне не додала. Три минуты кайфа нарочно украла. Потому что не могла больше. Потому что я её довёл.

Или потому что сама испугалась.

Вот это интересно. Чего она испугалась? Меня? Моей реакции? Или своей?

Я беру геймпад, но не включаю консоль. Просто кручу в руках. Мысли плывут. Вчера я засыпал с желанием сломить эту девочку. Поставить на место. Чтобы она забыла, как дышать. А сегодня — сегодня я хочу другого. Я хочу, чтобы она снова пришла и снова положила ладони мне на плечи. Чтобы снова у неё загорелись щёки, чтобы во рту пересохло, чтобы губы приоткрылись, чтобы я снова услышал её сдерживаемые вдохи-выдохи. Офигеть.

Я хочу её видеть. Не в постели. Просто видеть.

И это что-то новое. Раньше я хотел бабу — любую, первую попавшуюся, лишь бы горячая и без обязательств. А теперь я жду завтрашнего сеанса не ради массажа. Ради неё.

Откладываю геймпад. Встаю. Иду в душ. Сам. Без Михалыча, без напоминаний. Просто потому что хочу быть чистым. Хочу пахнуть не вчерашним соевым соусом, а нормальным гелем.

Вода горячая. Плечо под струёй ноет, но приятно. Стою и снова думаю о ней. О том, как она сказала: «Массаж — это не погладить». А я слышал другое. Я слышал: «Я не могу тебя погладить, потому что тогда я сломаюсь». Может, мне показалось. А может, и нет.

Ох и поплыл ты, Илюша. Совсем не в ту сторону поплыл. У тебя на носу титульник, нужно собраться, потренироваться, делать так, как Михалыч говорит, а ты как пацан сопливый на женские руки слюни пускаешь. И мысли то какие в голове, не чтобы дала, а чтобы посмотрела своими глазами томными, чтобы губы распахнула... Бл...ть! Надо это заканчивать. Такое мне не нравится. Я всегда сам привык себе баб выбирать, а тут придётся добиваться.

После душа вытираюсь, надеваю чистую футболку. Смотрю на себя в зеркало. Щетина отросла, надо бы побриться. Но не сегодня. Сегодня мне лень.

Выхожу в гостиную. Вспоминаю, что она сказала про разминку. «Завтра в три. Разминку не пропускать». Я обещал. Я, конечно, тот ещё мудак, но слово держу. Если сказал «не пропущу» — значит, не пропущу.

Я встаю посреди комнаты и начинаю разминку. Плечо. Медленные круги. Вперёд. Назад. Амплитуда хреновая, процентов сорок, не больше. Но я делаю. Шея. Наклоны. Повороты. Хрустит как труба гофрированная. Спина. Скручивания. Поясница ноет, но терпимо. Я делаю пятнадцать минут — без тренера, без зрителей, просто потому что обещал. И потому что завтра она спросит: «Разминку делали?» — и я хочу честно сказать: «Да».

А ещё я хочу увидеть её лицо, когда она это услышит. Наверняка дёрнет бровями, не поверит, улыбнётся язвительно. Но это не важно, важно, что это правда, а я когда не вру — внутри такой заряд чувствую, что как смерч, всё снесу.

Вечером заказываю доставку. Не роллы. Куриную грудку, овощи на пару, рис. Полезное. Безвкусное. Тоска. Но я жую и думаю: «Она бы это одобрила». Не знаю, почему меня это волнует.

Перед сном снова ворочаюсь. Но уже не от злости. От азарта. Я охотник. Я привык догонять. А она не бежит. Она стоит на месте и смотрит на меня своими огромными глазами — холодными, непробиваемыми. И я не могу её обойти. Не могу продавить. Она другая.

Я засыпаю с мыслью: «Завтра я снова её увижу».

И это — лучшая мысль за последние полгода.

глава 10

Наташа

Я паркую «Тойоту» у дома Самарина и не выхожу из машины минуту. Две. Три.

Дождь кончился. Солнце пробивается сквозь облака — робкое, нерешительное, как будто само ещё не решило: светить или отдохнуть за облаками. Сосны мокрые, воздух холодный, а у меня внутри всё кипит.

Вчерашний сеанс. Его эрекция. Его слащавая ухмылка. То, как он лежал и смотрел на меня — нагло, победно, будто я уже проиграла. И то, как у меня горели щёки. То, как я сбежала на три минуты раньше. То, как не спала полночи, прокручивая в голове этот момент.

Сегодня этого не повторится.

Я достаю сумку, выхожу из машины и иду к дому. Шаги чёткие, спина прямая, лицо — бетон. Я не дам ему больше ни одного шанса. Ни одной трещины. Ни одной дурацкой улыбки. Я врач. Он пациент. И точка.

Дверь открывается. Он стоит на пороге — свежая футболка, влажные после душа волосы, чисто выбрит. Выбрит! И, судя по запаху из дома, — не жрал вчера роллы. И пивом не пахнет.

— Доброе утро, Наталья Витальевна, — говорит он почти вежливо. — Я разминку сделал.

— Поздравляю, — говорю я ледяным тоном. — Стол где?

— В гостиной. Я уже разложил.

Я прохожу мимо него. Даже не смотрю. Стол действительно разложен — кривовато, но стоит. Я проверяю фиксаторы, поправляю простыню. Достаю масло, полотенца.

— Сегодня снова глубокий массаж плеча, — говорю я не оборачиваясь. — Будет больно. Раздевайтесь и ложитесь лицом вниз.

— Понял, — Илья стягивает футболку.

Я поворачиваюсь и успеваю заметить, что он пытается поймать мой взгляд. Не нагло, как вчера. Скорее вопросительно. Как будто ждёт чего-то. Похвалы? Оценки? «Ах, Самарин, какой вы молодец, что побрились и сделали разминку»? Не дожётся.

Мой пациент ложится. Я наношу масло и начинаю.

Плечо. Вращательная манжета. Сегодня я работаю глубоко — пальцы впечатываются в мышцы, находят вчерашние триггеры, проминают, разбивают спайки. Он дышит сквозь зубы. Терпит. Я не останавливаюсь. Никаких поблажек. Никаких «погладить». Только работа.

— Бляха муха! — вдруг взрывается он. Я даже вздрагиваю. Не от испуга. От неожиданности. Он орёт не от боли — от злости. — Я уже не знаю, чем ещё твою улыбку заслужить, снежная королева! Я же всё сделал как надо! Разминку сделал, побрился, пожрал курицу с рисом! Хоть бы похвалила!

Я убираю руки. Смотрю на него. Лицо — спокойное. Голос — ровный.

— По договору в мои обязанности входит массаж и наблюдение за вами как за пациентом. Я не обязана вас хвалить и вам улыбаться.

— Да знаю я про договор! — Илья поворачивает голову и смотрит на меня, глаза горят. — Но это же не по-человечески! Я же без обязательств, просто прошу! Ну улыбнись, а? Один раз. Что тебе, сложно что ли?

— Не обязана, — повторяю я, чеканя каждое слово.

Он смотрит на меня. Долго. И я выдерживаю взгляд. Не отвожу глаза. Не краснею. Сегодня — нет.

— Ладно, — говорит он вдруг, примирительным тоном. — Тогда я буду тебе анекдоты ржачные рассказывать. Весь сеанс. Попробуй не засмеешься. А если действительно не засмеёшься — так и быть, отстану.

Я моргаю.

— Самарин. Вы спортсмен или клоун?

— Я мужик, — он разводит руками. — Обычный нормальный мужик. И я хочу, чтобы женщина рядом со мной улыбалась, а не изображала из себя мраморную статую. — Он чуть поднимает голову и добавляет тише, без наглости: — Наташ, ну правда. Нам ведь долго работать. Давай уже подружмся. По-человечески. Без договоров.

Я молчу. Он смотрит на меня, и в его глазах нет вчерашнего превосходства. Нет пошлой ухмылки. Он действительно не понимает. Действительно хочет пробить эту стену. Как ребёнок, который не знает, почему тётя злая.

— Ложитесь лицом вниз, — говорю я, голос всё ещё сухой, но уже не ледяной.

Самарин вздыхает. Ложится. Я возвращаюсь к работе. Пальцы снова находят триггер, и пациент шипит. Но потом, сквозь зубы, начинает:

— Значит, анекдот номер один. Приходит мужик к врачу...

Я молча работаю. Плечо, лопатка, ключица. Он рассказывает. Анекдот глупый, борода-тый — про тещу и крокодила. Я слышала его сто раз. Не смешно.

— Анекдот номер два, — не сдаётся он. — Встретились как-то боец ММА и балерина...

Ещё глупее. Я надавливаю на узел под лопаткой — он охает, но продолжает рассказывать.

— Анекдот номер три. Стоят два скелета в шкафу...

Я закатываю глаза. Но уголки губ предательски дёргаются. Он не видит — он лицом в подголовник.

— Анекдот номер четыре. Приходит как-то Михалыч к Самарину и говорит...

Я давя сильнее. Он хрипит, смеётся сам над собой и продолжает. Его голос вибрирует, он запинаясь, когда мои пальцы находят больное место, но не замолкает. И где-то на пятом анекдоте — про Петьку и Василия Ивановича — я ломаюсь.

Смех вырывается из меня неожиданно. Громко. Во весь голос. Я не могу остановиться. Это глупо. Это непрофессионально. Но анекдот реально смешной — идиотский, абсурдный, и то, как он его рассказывает — с подвыванием и хрипом, когда я надавливаю, — делает его ещё смешнее.

Я смеюсь, прикрывая рот рукой, но уже поздно. Он поворачивает голову — насколько может в этом положении — и смотрит на меня. Его лицо расплывается в довольной ухмылке.

— Ну вот! Нормальная ты девчонка, Наташка! А говорила — не обязана, не обязана...

— Самарин, заткнитесь, — говорю я, всё ещё улыбаясь. — Это был самый дурацкий анекдот в моей жизни.

— Но сработало же! — Он смеётся. Сам. От души. — Пятый анекдот! Пятый! Я думал, ты вообще не пробиваемая.

— Я и есть непробиваемая, — убираю улыбку с лица. Почти. — Просто у вас анекдоты — оружие массового поражения.

— Буду знать. — Он кладёт голову обратно в подголовник. — Значит, каждый сеанс — плюс анекдот.

— Только попробуйте.

— Уже попробовал. Работает.

Я продолжаю массаж. Плечо, спина, шея. Он больше не рассказывает анекдотов — молчит, только иногда шипит, когда я нахожу особо болезненную точку. Но атмосфера изменилась. Стена, которую я выстроила перед сеансом, дала трещину. Не рухнула — но треснула.

И что самое противное — мне стало легче. Я злилась на него весь вчерашний вечер и всё утро. А теперь не могу злиться. Потому что он лежит на массажном столе — огромный, битый, с дурацкой ухмылкой — и смотрит на меня как на человека, а не как на врача. Не как на цель. Как на человека.

— Всё, — говорю я заканчивая. — Сеанс окончен. Плечо стало лучше, амплитуда увеличилась. Разминку — каждый день. Ванна с солью — обязательно. Завтра разогревающий массаж в три.

— Будет сделано, Наталья Витальевна. — Он встаёт и натягивает футболку. — Слушай...

— Что?

— Спасибо, что засмеялась.

Я молчу. Застёгиваю сумку. Иду к двери.

— До завтра, Самарин.

— До завтра, Наташ.

Я выхожу на крыльцо, сажусь в машину и смотрю на себя в зеркало заднего вида. Уголки губ всё ещё дёргаются вверх.

Чёртов анекдот. Чёртов Самарин. Чёртово обаяние, которое пробивает даже меня.

Я завожу мотор и думаю: «Мы друзьями не станем. Не можем. Это плохо кончится». Но где-то глубоко внутри тихий голос говорит: «Уже».

глава 11

Илья

Я только вышел из душа, когда входная дверь распахивается и на пороге возникает Михалыч.

Без звонка. Без стука. Как всегда. В руке — папка, под мышкой — планшет, на лице — выражение, которое я слишком хорошо знаю. Так он выглядит, когда приносит плохие новости, но пытается подать их как хорошие.

— Одевайся, — говорит он с порога. — Разговор есть.

— Я одет.

— Я имею в виду — нормально оденься. Не в этих своих драных шортах. Разговор серьёзный.

Я смотрю на него. Потом на свои шорты. Шорты нормальные. Мягкие. Удобные. Но я знаю этот тон — спорить бесполезно. Натягиваю джинсы, футболку. Сажусь за кухонный стол. Михалыч садится напротив. Папку кладёт между нами, как буферную зону.

— Короче, — начинает он. — Есть один юниор. Двадцать два года. Тяжёлый вес. Зовут Данила Кротов, кличка — Молот. Слышал?

— Нет.

— А он про тебя слышал. — Михалыч открывает папку. — Шесть боёв, шесть побед, пять нокаутов. Парень реально опасный. Его менеджер, Гриша Цыбин, — ты его знаешь, он раньше с Вороновым работал, — навёл справки.

— И что хочет этот Гриша?

— Хочет, чтобы его парень с тобой поработал.

Я усмехаюсь.

— Пусть в очередь встаёт. У меня своих спарринг-партнёров хватает.

— Это не просто спарринг, — Михалыч подаётся вперёд. — Гриша вчера был на мероприятии, выпил лишнего и начал языком молотить. Сказал, что его парень одной левой тебя уложит. Прямо при всех. Журналисты были, Илья. Эта фраза уже гуляет по чатам.

Я перестаю усмехаться.

— И что?

— И то, — Михалыч хлопает ладонью по папке. — Я не могу это спустить на тормозах. Если ты не ответишь — пойдут слухи. Смерч зассал. Смерч старый. Смерч боится молодого. Завтра в клубе — открытая тренировка. Вы вдвоём в клетке. Никакого полноценного боя — просто работа. Но так, чтобы все увидели: ты всё ещё здесь. Ты всё ещё чемпион.

— Завтра? — я качаю головой. — Завтра у меня массаж. Наташа в три приедет. Не пойдёт. Пошли этого кренделя лесом.

Михалыч смотрит на меня. Молчит. Потом медленно, отдельно, как ребёнку, объясняет:

— Крендель лесом пойдёт, это понятно. Я и сам его пошлю. Но перед этим ты выйдешь с ним в клетку и покажешь, кто здесь главный.

— А если не выйду?

— Тогда Гриша всем расскажет, что ты испугался. Что старый Смерч уже не тот. Что ему на пенсию пора. — Михалыч щурится. — У него кулак как отбойник, Илья. Я наводил справки — есть записи его боёв. Он реально кладёт соперников одним ударом. Никто не держит. Два боя закончились госпитализацией. Если ты сейчас струсишь — вся лига будет знать. И спонсоры. И журналисты. И твой будущий соперник за титул.

Я молчу. Перебариваю. Пауза затягивается.

— То есть ты мне предлагаешь, — говорю я наконец, — подставиться под его кулак? С моим плечом? Которое ещё даже не восстановилось?

— Не подставиться. — Михалыч качает головой. — Сосредоточиться и отбить. А потом — в атаку. Я не предлагаю тебе стоять и ждать, пока он тебя вырубит. Я предлагаю тебе показать класс. Ты тяжеловес с пятнадцатилетним стажем. Он пацан, который провёл шесть боёв и думает, что он король. Покажи ему, кто ты.

— А если он меня вырубит?

— Не вырубит.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я пятнадцать лет смотрю, как ты дерёшься. — Михалыч смотрит мне прямо в глаза. — Ты быстрее. Ты умнее. Ты опытнее. У него кулак. У тебя — голова на плечах. Если ты сосредоточишься — он тебя даже не заденет.

Я встаю из-за стола. Подхожу к окну. Сосны. Тишина. Птица не орёт — спит, наверное. Я думаю о Наташе. О том, как она вчера смеялась. О том, как я обещал ей разминку и ванну. О том, что завтра её сеанс, и я ждал его больше, чем чего бы то ни было за последние полгода.

— Я перенесу массаж, — говорит Михалыч, будто читая мои мысли. — Позвоню ей, объясню.

— Нет. Я сам позвоню.

Михалыч замолкает. Я поворачиваюсь к нему.

— Ладно. Завтра. В клубе. Во сколько?

— В полдень, — он встаёт. — Я всё организую. Клетка, камеры, пара журналистов — для отчётности. Никакого шоу, просто открытая тренировка.

— С камерами?

— А ты как хотел? Это не подвальный спарринг, Илья. Это публичное заявление. Ты должен показать, что ты всё ещё в игре. Иначе спонсоры начнут задавать вопросы. А за ними — лига. Ты и так три недели динамил бой. Ещё немного — и тебя просто спишут. Ты это понимаешь?

Я понимаю. Я всё понимаю. Я сажусь обратно за стол. Михалыч стоит надо мной — седой, жилистый, с папкой в руке. Пятнадцать лет назад он вытащил меня из подвала. Сейчас он пытается вытащить меня из депрессии. Только на этот раз — не уговорами, а вызовом.

— Скажи честно, — говорю я. — Ты реально думаешь, что он опасен?

— Реально. — Михалыч кивает. — Но не опаснее тех, кого ты уже клал. Просто не расслабляйся.

Я выдыхаю. Длинно. С присвистом.

— Ладно. Завтра в полдень. Будь готов.

— Это ты будь готов, — Михалыч кладёт папку на стол. — Здесь записи его боёв. Посмотри сегодня. Изучи. Он бьёт с правой. Всегда. Левая у него так, для баланса. Если уйдёшь с линии правой — он открывается. Работай по корпусу.

— Сам разберусь, — беру папку. — Иди уже.

Михалыч идёт к выходу, но у двери оборачивается.

— Илья.

— Что?

— Не подведи меня. И её не подведи. Она в тебя поверила. Не знаю почему, но поверила. Он выходит. Хлопает дверь. Тишина.

Я сижу за столом и смотрю на папку. Потом открываю. Фотографии. Статистика. Записи. Парень реально мощный — шесть побед, пять нокаутов. Кулак как кувалда. Но я видел таких. Много видел. Кулак есть у всех. Голова — не у всех.

Я достаю телефон. Набираю Наташу.

— Алло? — Её голос удивлённый. Я звоню впервые. Раньше все вопросы решал Михалыч.

— Наташ, это я. Илья.

— Я поняла. Что-то случилось?

— Завтра сеанс придётся перенести, — делаю паузу. — Меня Михалыч запряг. Открытая тренировка в клубе. С одним юниором. Надо показать, что я ещё жив.

Молчание.

— Это опасно? — спрашивает она.

— Не особо. Пацан зелёный. Но громкий. Михалыч говорит: надо ответить.

— Плечо ещё не готово, Самарин. Вы не должны...

— Я знаю. Но это не бой. Просто спарринг. Я буду осторожен.

Она молчит. Я слышу, как она дышит. Представляю, как она хмурится. У неё есть такая морщинка между бровей, когда она злится или волнуется. Я заметил.

— Хорошо, — говорит она наконец. — Но послезавтра — сеанс в то же время. И если я увижу новые гематомы, мы будем отрабатывать их вдвойне.

— Договорились, — чувствую, как мой рот растягивается в улыбке. Волнуется. За меня. — Пока, Наташ.

— До свидания, Самарин.

Я кладу трубку и смотрю в окно. Завтра в полдень. Клетка. Камеры. Юниор с кулаком-отбойником. И где-то — её голос в трубке: «Вы не должны».

Я беру папку и начинаю изучать записи. Голова, Самарин. Включай голову. Завтра ты покажешь этому кренделю, кто такой Смерч.

глава 12

Илья

Ночь перед спаррингом — дерьмо.

Я лежу в кровати и смотрю в потолок. Третий час ночи. Завтра в полдень — клетка. Молот. Шесть боёв, пять нокаутов. Кулак как кувалда. Я пересмотрел все его записи — три раза. Изучил каждое движение, каждый удар, каждый шаг. Парень реально хорош. Не просто качок с ударом — он думает. У него тайминг. У него чувство дистанции. Он выбрасывает правую так, будто она сама летит — без замаха, без подготовки. И у него эта чёртова двойная пробивка: первая — лёгкая, обманная, вторая — сокрушительная, сразу за первой. Три боя из шести он закончил именно так. Соперник уходит от первой — и влетает во вторую. Нокаут. Госпиталь. Конец.

Я прокручиваю в голове, как буду работать с ним. Уход с линии. Контратака. Работа по корпусу. Не дать ему выбросить правую. Не дать ему войти в ритм. Я быстрее. Я умнее. Я опытнее. Я уже таких уделывал.

В четыре часа я всё ещё ворочаюсь. В пять — засыпаю. В десять просыпаюсь с гудящей головой и чувством, что меня переехал каток. Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт.

Бужу себя кофе. Две кружки. Холодный душ. Разминка — медленная, осторожная. Плечо ноет, но терпимо. Я делаю упражнения, которые дала Наташа, и думаю о том, что если она узнает про этот спарринг в подробностях — убьёт меня раньше, чем Молот.

В одиннадцать выезжаю. Михалыч сказал: «Клуб Арена, в полдень. Не опаздывай». Я не опаздываю. Просто навигатор тупит, и пробки в Москве — как всегда. В одиннадцать пятьдесят я ещё на Садовом. В двенадцать десять паркуюсь у клуба.

Злой. Недоспавший. Готовый убить Михалыча за то, что он вообще это устроил.

Захожу в зал — и замираю.

Михалыч стоит у клетки с секундомером. Рядом — Саныч, мой тренер. Они разговаривают. Спокойно. Никакой паники. Никаких криков «ты опоздал, всё пропало». И Кротова ещё нет.

— О, Илья. — Михалыч смотрит на часы. — Десять минут. Почти вовремя.

— Ты сказал — в полдень.

— Правда? Ошибся, с кем не бывает, — он пожимает плечами. — Спарринг в час. Сейчас тренировка с Санычем. Я знал, что ты опоздаешь. Ты всегда опаздываешь, когда нервничаешь. А ты нервничаешь, потому что смотрел его бои до утра.

Сверлю Михалыча взглядом. Старый манипулятор. Он знает меня как свои пять пальцев. Он знал, что я буду смотреть записи. Знал, что не усну. Знал, что опоздаю. И заложил на это час.

— Ты... — начинаю я.

— Я твой менеджер, — перебивает он. — И я хочу, чтобы ты был готов. А теперь иди переодевайся. У тебя сорок минут на разминку. Саныч покажет, что делать.

Я смотрю на Саныча. Саныч — старый, лысый, с шеей как у быка. Он тренировал ещё советских боксёров, а теперь тренирует меня. Он тоже смотрел бои Кротова. Вижу это по его лицу — он хочет мне что-то сказать, но ждёт, пока Михалыч закончит.

— Иди, иди, — Михалыч подталкивает меня в сторону раздевалки. — Злость — это хорошо. Злость — это топливо. Но сначала разминка. Без разминки — никакой клетки.

Переодеваюсь. Выхожу в зал. Саныч уже ждёт меня с лапами.

— Давай, Илюха. Разогреваемся.

Начинаем. Движения привычные — шаг вперёд, шаг назад, джеб, кросс, хук. Плечо отзывается болью, но я забиваю. Я думаю о Кротове. О том, как я выйду в клетку и покажу ему, кто здесь чемпион.

— Слушай сюда, — говорит Саныч, опуская лапы. — Я смотрел его бои. Он бьёт с правой. Это понятно. Но у него есть коронка — двойная пробивка. Первый удар — лёгкий, обманный. Он даже не целится — просто выбрасывает, чтобы ты ушёл. Ты уходишь с линии — и тут же прилетает второй. Сокрушительный. Прямо в челюсть. Три боя он так закончил. Три нокаута.

— Я видел, — киваю я. — Уйду с линии. Потом — в корпус.

— Нет. — Саныч качает головой. — Просто уйти с линии — мало. После первого удара он ждёт, что ты сделаешь шаг вправо. Все делают шаг вправо — это рефлекс. А ты сделай шаг влево. Резко. И сразу — в атаку. Понял?

— Понял.

— Покажи.

Отрабатываем. Шаг влево. Контратака. Шаг влево. Ещё раз. Ещё. Я делаю. Но в голове крутится: «Да знаю я. Я видел. Я быстрее. Я справлюсь». Я не хочу слушать Саныча. Я хочу выйти в клетку и закончить это.

— Илья, — Саныч вдруг хватает меня за плечо. — Я серьёзно. Не играй с ним. Он не просто качок. У него тайминг. Если ты пропустишь первый — второй снесёт тебе голову.

— Не пропущу.

— Пообещай мне. Шаг влево. Не вправо. Влево.

— Обещаю.

Я не обещаю. Я вру. Я знаю, как лучше.

Михалыч подходит к клетке. Рядом с ним — незнакомый мужик в спортивном костюме. Гриша Цыбин, менеджер Кротова. Лыбится. Скалится. У него такое лицо, будто он уже победил. Я чувствую, как внутри закипает злость. Хорошо. Это то, что нужно.

Дверь зала открывается, и заходит Кротов.

Он реально здоровый. Выше меня. Тяжелее. Шея — как бетонная свая. Кулаки — да, похожи на отбойники. Но лицо молодое, пацанское, с белыми бровями и наглыми глазами. Он смотрит на меня — и ухмыляется. Без страха. Без уважения. Как будто я уже проиграл.

— Здорово, Смерч, — говорит он, проходя мимо. — Готов?

— Всегда готов, — отвечаю я.

Он уходит переодеваться, а я смотрю ему вслед. Злость зашкаливает. Отлично. Я выйду и разнесу этого пацана. Покажу ему, кто такой Смерч. Покажу всем — Михалычу, Грише, Санычу, этой чёртовой лиге. И Наташе.

Наташа. Я вспоминаю её голос в трубке: «Вы не должны». Плевать. Я должен. Я боец. Это моя клетка.

— Илья, — Михалыч подходит ко мне. Лицо серьёзное. — Слушай Саныча. Делай, как он говорит. Это не шутки.

— Разберусь.

— Илья!

— Я сказал — разберусь!

Я вхожу в клетку. Кротов входит следом. Судья — короткий инструктаж: «Работаем в лёгкую, без добиваний, слушаем команду «стоп». Я киваю. Кротов кивает. Его глаза горят. Он реально верит, что уложит меня. Молодой, голодный, глупый.

Судья даёт отмашку.

Мы начинаем.

Первые секунды — разведка. Я двигаюсь по кругу, он двигается. Джеб — он уходит. Джеб — я ухожу. Он выбрасывает правую — медленно, не опасно. Я уклоняюсь. Легко. Я же говорил — я быстрее.

Ещё минута. Я работаю первым номером. Бью по корпусу — раз, два. Он закрывается. Бью с левой — вскользь, но задел. Слышу, как Михалыч орёт из угла: «Давай, Илюха, давай!» Саныч молчит. Он смотрит. Он знает, что я делаю не так.

И тут Кротов выбрасывает двойку.

Первый удар — лёгкий. Обманный. Я ухожу — вправо. Рефлекс. Как Саныч и говорил. Я ухожу вправо и уже замахиваюсь для контратаки. И в этот момент прилетает второй.

Сокрушительный.

Мир гаснет.

Нет боли. Нет звука. Только вспышка — и пустота. Я падаю. Я чувствую, как спина встречается с настилом. Где-то далеко — крик. Михалыч? Саныч? Не знаю. В ушах — вата. Перед глазами — белый потолок и лампы. Они плывут.

Кротов стоит надо мной. Улыбается. Его тренер улыбается. Гриша Цыбин улыбается. Я слышу голос Кротова — глухо, как через воду:

— Я же говорил. Старый.

Я пытаюсь встать. Руки не слушаются. Ноги не слушаются. Голова гудит как трансформаторная будка. Судья что-то говорит. Кажется, «стоп». Кажется, «нокаут».

Михалыч уже в клетке. Он наклоняется надо мной. Его лицо — красное, злое, испуганное. Он орёт:

— Ты какого хера, Самарин?! Я же тебе говорил — слушай Саныча! Говорил — влево! А ты куда пошёл?! Куда ты пошёл, мать твою?!

Я не отвечаю. Я не могу ответить. Я смотрю в потолок и думаю только об одном: «Наташа. Она же просила. Она же сказала — не должен».

Саныч помогает мне сесть. Подносит воду. Я пью. Вода течёт по подбородку. В голове проясняется — медленно, как рассвет.

— Вставай, — говорит Саныч тихо. — Вставай, Илья. Ничего не сломано. Кроме гордости.

Встаю. Ноги держат. Уже хорошо. Кротов стоит в углу клетки, пьёт воду из бутылки, улыбается. Его менеджер хлопает его по плечу. Я смотрю на них — и ничего не чувствую. Ни злости. Ни стыда. Только пустоту.

Выхожу из клетки. Михалыч идёт рядом. Молчит. Он не орёт больше. Он просто смотрит на меня, и я знаю этот взгляд. Разочарование. Нет, хуже. Жалость.

— Сорян, — говорю я.

— Завтра поговорим, — отвечает он.

Я останавливаюсь.

— Наташе не говори.

— Сам скажешь, — Михалыч отворачивается. — Или она сама увидит. Камеры работали, Илья. Весь интернет увидит.

Я иду в раздевалку. Сажусь на скамейку. Смотрю на свои руки. Они дрожат. Не от слабости. От унижения. Я проиграл. Я, трёхкратный чемпион, проиграл пацану, который провёл шесть боёв. Я проиграл, потому что не слушал. Потому что думал, что я умнее всех. Потому что пошёл вправо, когда надо было влево.

Она говорила: «Вы не должны». Саныч говорил: «Шаг влево». Михалыч говорил: «Слушай тренера». А я не слушал. Я никогда никого не слушаю.

Смотрю в телефон. Пропущенный звонок. Наташа. Она звонила, пока я был в клетке. Не отвечаю. Пока не могу.

Одеваюсь и выхожу из клуба. На парковке стоит «Гелендваген» Михалыча. Он не уехал. Ждёт меня. Стоит, прислонившись к капоту, курит — впервые за полгода, я знаю.

— Садись, — говорит он. — Отвезу тебя, в таком состоянии за руль нельзя.

Я сажусь. Едем молча. Только на полпути он говорит:

— Это не конец, Илья. Это урок. Выучи его.

Молчу, смотрю в окно. Сосны. Тишина. Закрываю глаза.

Завтра — Наташа. Завтра — объяснение. Завтра — всё сначала. А сегодня — просто боль. И стыд. И тишина.

глава 13

Илья

Михалыч тормозит у ворот, глушит мотор и молчит.

Мы сидим в «Гелендвагене» минуту. Две. Три. Он не выходит. Не говорит ни слова. Просто смотрит в лобовое стекло — на мой дом, на сосны, на серое ноябрьское небо. Его руки лежат на руле. Костяшки белые. Желваки на скулах — тугие, как стальные тросы.

— Михалыч...

— Иди, — говорит он. Голос сухой. Чужой. — Иди домой, Илья.

— Может, зайдёшь?

— Нет.

Он даже не поворачивается. Я открываю дверцу. Вылезаю. Стою на гравийной дорожке, как дурак, и смотрю на него через открытую дверь.

— Михалыч, я...

— Завтра, — перебивает он. — Всё завтра.

Он захлопывает дверцу с моей стороны — я едва успеваю отдернуть руку. «Гелендваген» срывается с места и улетает за ворота. Я остаюсь стоять. Один. Под серым небом.

Подхожу к двери. Открываю. Захожу. Тишина. Чистота. Идеальный дом. Идеальная пустота. Сажусь на диван. Смотрю на массажный стол. Она была здесь вчера. Смеялась над моим дурацким анекдотом. Она пыталась это спрятать, но не могла. А теперь...

Я встаю. Хожу по комнате. Из угла в угол. Тигр в клетке. Нет, хуже. Тигр, который сам себя в эту клетку загнал. Я проиграл. Я трёхкратный чемпион — проиграл пацану. Я не слушал. Я думал — я умнее. Я думал — я быстрее. Я думал — я справлюсь. И я пошёл вправо, когда надо было влево. Как Саныч и говорил.

— Твою ж мать!

Ору. В голос. В пустоту. Стены не отвечают. Я хватаю со стола кружку и швыряю в стену. Кружка разлетается вдребезги. Белые осколки на полу. Плевать. Пусть клининг убирает. Пусть Михалыч орёт. Пусть.

— Придурок! Ты придурок, Самарин!

Я ору сам на себя. Я бью кулаком в стену. Раз. Второй. Третий. Штукатурка хрустит. Костяшки горят. Я смотрю на руку — кровь. Кожа сбита, суставы разбиты. По белёной стене — красный след. Как в дешёвом боевике. Как в моей собственной дурацкой жизни.

Дышу часто, тяжело. Прислоняюсь лбом к этой самой стене — к холодной, шершавой, окровавленной, и закрываю глаза. Я пытаюсь успокоиться. Не могу. Адреналин. Стыд. Злость. Всё смешалось в один гремучий коктейль. Мне нечем запить эту боль. Михалыч вычистил холодильник. Ни пива, ни виски. Только вода.

Отхожу от стены. Смотрю на свои руки. Они дрожат. Левый кулак разбит. Правый — целый. Берегла меня моя чёртова манжета. Я открываю кран, сую руку под холодную воду. Кровь смывается. Остаются ссадины. Глубокие. Надо бы перевязать, но мне плевать.

И тут звонит телефон.

Я замираю. На экране — незнакомый номер. Не Михалыч. Не Наташа. Чужой. Я не беру. Телефон звонит ещё минуту и замолкает. Я выдыхаю. Но через секунду снова. Тот же номер. Я сбрасываю.

Через минуту — другой номер. Третий. Четвёртый. Они звонят без остановки. Я смотрю на экран, и до меня доходит. Журналисты. Камеры работали. Весь интернет уже видел, как Смерч лежит на спине в клетке. Весь интернет уже знает, что Кротов — Молот — уложил меня одним ударом.

Телефон звонит снова. Я не выдерживаю, тяну зелёный ползунок по экрану.

— Слушаю, — рычу, не стесняясь агрессии в голосе.

— Илья, добрый день! Это Елена, спортивный портал «Ринг», — женский голос бодрый, быстрый, с характерной скоростью речи журналистов. — Прокомментируйте, пожалуйста, ваш сегодняшний проигрыш Даниле Кротову! Как вы оцениваете...

Отрубая звонок.

Телефон снова взрывается. Другой номер. Я выключаю звук. Кладу телефон экраном вниз. Он вибрирует. Вибрирует. Вибрирует.

Я сижу на кухне. Смотрю на этот вибрирующий телефон. Сам виноват. Я знаю. Я проиграл не потому, что он сильнее. Я проиграл, потому что я дурак. Я проиграл, потому что не слушал. Я проиграл, потому что думал — я непобедим. И теперь это видео будет везде. И Михалыч не сможет это замять. И спонсоры позвонят. И лига позвонит. И бой за титул...

Открываю холодильник: куриная грудка, рис, овощи. Всё, что она велела. Закрываю. Не могу. Не хочется. Включаю телек, там футбол, какой-то матч, безразлично. Выключаю. Приставка раздражает. Я беру геймпад, запускаю шутер, убиваю пару уродов — и бросаю. Не то. Всё не то.

Хожу по дому из угла в угол. Гостиная — кухня — спальня — гостиная. Везде тишина. Везде пустота. Везде отражение меня самого — разбитого, проигравшего. Я ненавижу это отражение, ненавижу этот дом, ненавижу себя.

Надо успокоиться. Надо взять себя в руки. Надо что-то делать. Но что? Не знаю. Стою посреди гостиной и не знаю, куда идти.

И тут в голове — её лицо.

Стройная фигурка. Светлые волосы, собранные в тугой пучок на затылке. Строгий взгляд тёмных глаз — тот самый, которым она смотрела на меня, когда говорила: «Самарин, держите себя в руках». А потом — её смех. Настоящий. Живой. Когда я рассказывал дурацкие анекдоты и она не могла сдержаться.

Наташа.

Я беру телефон. Смотрю на экран. Тридцать четыре пропущенных звонка. Все — неизвестные номера. Я пролистываю. Нахожу её контакт. Наталья Витальевна. Она у меня записана именно так — официально, сухо, как в договоре. Я смотрю на имя. Палец висит над кнопкой вызова.

Что я ей скажу? «Привет, я проиграл пацану, мне хреново, приезжай»? «Привет, я не слушал тренера, я дурак, мне одиноко»? «Привет, ты была права — я не должен был, прости»? Я не знаю. Но я нажимаю «вызов».

Гудки. Один. Второй. Третий. Я считаю их и прикидываю, что сказать. Ничего не придумывается. Ничего. Я просто хочу услышать её голос.

— Слушаю, Самарин.

Её тембр сухой, деловой, как всегда. Но мне плевать. Я молчу. Не могу сказать ни слова. Потому что, если я открою рот — я сорвусь.

— Самарин? Вы молчите или что-то со связью? Алло, Самарин!

Я слышу, как она дышит. Я слышу, как в её голосе прорезается тревога. Она уже знает. Наверняка знает. Михалыч мог позвонить. Или она сама видела это чёртово видео. Я не знаю. Но она ждёт.

— Наташ, — хриплю я. — Ты можешь приехать?

Пауза. Длинная.

— Зачем? — спрашивает она, но не холодно, осторожно.

— Просто... — Я закрываю глаза. Прислоняюсь лбом к стене. — Я не знаю. Просто хочется тебя увидеть. Приезжай, а? Наташ...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.